

Александр Королев

Memor.ai

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Королёв

Memor.ai

<https://litres.ru/74002836>

SelfPub; 2026

Аннотация

Снова эта мысль в голове... крутилась на кончике языка. Он пытался что-то вспомнить... Что-то настолько важное, что, кажется, является истиной. Причём не такой истиной, как $2+2=4$, а нечто более значительное. Как будто ответ на все вопросы бытия... И это точно не 42, хотя, может быть, чем-то и похоже... С ним такое в последнее время бывает часто. Мысль об истине как будто пытается его догнать. Хм... или она просто проходит по касательной его орбиты? У него с ней лишь одна мимолетная точка соприкосновения. Вот он уже созерцает истину, и тут она берет и улетает себе дальше в бесконечную черную пустоту, снова оставляя его ни с чем. Да как же ее... Кажется, забыл все еще при рождении. Забыл себя, свою сущность, природу, происхождение. И теперь всю жизнь пытается отыскивать небольшие фрагменты правды, чтобы потом наугад собирать этот пазл, прикладывая кусочки с разных сторон, перебирая все возможные комбинации. «Где я, кто я и зачем я».

Abre los ojos... Открой глаза!

Содержание

0.	5
Хикари.	23
1.	27
Онбординг.	47
2.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Александр Королёв

Memor.ai

Take your time, hurry up

Choice is yours, don't be late

Take a rest as a friend

As an old

Memor.ai

0.

Снова эта мысль в голове... черт, да как же ее... я о чем-то думал только что... Прямо крутилось на кончике языка. Я пытался что-то вспомнить... Частенько пытаюсь вспомнить нечто очень важное, но все никак не получается. Что-то настолько важное, что, как мне кажется, является истиной. Причём не такой истиной, как $2 + 2 = 4$, а нечто более значительное. Как будто ответ на все вопросы бытия... И это точно не 42, хотя, может быть, чем-то и похоже... Со мной такое в последнее время бывает часто. Мысль об истине как будто пытается меня догнать. Но я всегда быстрее ее. Удаляюсь от нее ровно на столько, на сколько она ко мне приближается. Хм... или эта мысль просто проходит по касательной моей орбиты? У нас с ней лишь одна мимолетная точка соприкосновения. Вот я уже созерцаю истину, и тут она берет и улетает себе дальше в бесконечную черную пустоту, снова оставляя меня ни с чем. Никак не могу вспомнить. Иногда думаю, что забыл все еще при рождении. Забыл себя, свою сущность, природу, происхождение. И теперь всю жизнь пытаюсь отыскивать небольшие фрагменты правды, чтобы потом наугад собирать этот пазл, прикладывая кусочки с разных сторон, перебирая все возможные комбинации. Не понимаю, где я, кто я и зачем я.

Abre los ojos... Открой глаза!

Яркий свет ударил в мои глаза и на несколько секунд ослепил меня. Я огляделся вокруг. За окном стоял тот самый день последних мгновений весны, который потом надолго остается в памяти: светлый, теплый, невозмутимый – предвестник лета. Такого лета, когда нет никаких забот и обязательств. Когда есть только футбол и баскетбол со школьными друзьями на площадке, компьютерные игры всю ночь до рассвета, катание на скейтборде по Парку Горького. Хоть друзья уже давно разъехались, а в компьютер играть я перестал (ведь играть в компьютерные игры, когда сам живешь в компьютерной игре – сомнительное занятие), все равно лето, как ни крути, – время волшебное. Даже работа не способна его никак омрачить, потому что летом день настолько длинный, что времени под солнцем хватит с лихвой на все – это уж точно.

Я ехал в вагоне поезда МЦК от станции Панфиловская. В наушниках у меня играл Eminem – Marshall Mathers LP – один из моих самых любимых альбомов в жизни. Лучи солнца пробивались через окна вагона, освещая лица окружающих меня людей. В поезде былолюдно, но не создавалось ощущения суеты, которое часто возникает в общественном транспорте. Так всегда в МЦК – думаю, поэтому я предпочитаю добираться именно этой веткой, когда есть такая возможность.

В весеннюю пору окружающие люди начинают выглядеть

значительно более легкими и радостными. В лицах прохожих можно разглядеть их строящиеся планы на лето, предвкушение долгожданного отпуска, шашлыки на даче... В это время в общественном транспорте меня особенно забавляет то, как все кругом одеты вразнобой: кто в тапочках и шортах (как я), а кто в валенках и пуховике. Все люди едут по делам, но выглядят при этом чуть менее важно, чем всегда, не вызывая у меня обычного раздражения своим видом. Они хотя бы знают, куда едут, в отличие от меня. Ну или думают, что знают...

Почему-то так сложилось, что относительно недавно построенная новая московская артерия – МЦК, – соединяющая почти что окраинные станции, на самом деле объединяет собой стратегически важные точки. Первая, конечно же, – район, в котором я прожил последние 15 лет. Ну а дальше можно перечислять долго: родной торговый центр Метрополис, в котором я провел и продолжаю проводить счастливые часы со старыми друзьями, на станции Балтийская; любимый район Ходынского Поля, скейтпарк ЦСКА и Авиапарк на станциях Зорге и Хорошёво; Москоу-Сити – возвышающийся над всем городом гигант, в котором я был однажды на 54-ом этаже на собеседовании в одну крупную компанию, на станции Деловой Центр; необъятные просторы для прогулок в районе Парка Культуры на станции Лужники.

Разглядывая карту метро, я понял, что самые важные для меня станции – ближайшие станции к Панфиловской и на-

ходятся в левой части карты. Кажется, в правую часть я почти не выбирался. Могу только отметить станцию Локомотив, соединяющую МЦК со станцией метро Черкизовская. Это место мне запомнилось по одному занимательному мероприятию, имевшему место в прошлом. Школьная олимпиада по физкультуре...

Будучи учеником младшей и старшей школы, я не отличался особым умом. Мне, если честно, сейчас странно думать о том, почему я стал нормальным (относительно), или почему я выжил (обычно таких недоумков, как я, естественный отбор охотно забирает). В школьную пору я ненавидел учебу. Я не видел в ней смысла, относился «на отвали», домашку всегда делал наперекосяк. За всю школу я не прочитал ни одной книги по урокам литературы, а первой книжкой, которую я в принципе прочитал в своей жизни, стал Гарри Поттер – это произошло в 11-ом классе, когда я все-таки решил попробовать читать. Очень умно, да? Мои одноклассники читали Гарри Поттера классе в 3-ем, а я в 11-ом. Ну да ладно.

Так вот об олимпиаде по физкультуре... Наша любимая учительница физ-ры Татьяна Анатольевна с трепетом и заботой взяла меня под крыло: покладистый мальчишка, всю жизнь занимавшийся спортивной гимнастикой; просто алмаз, орел! Думаю, благодаря Татьяне Анатольевне о школе у меня осталось в 10 раз больше приятных воспоминаний, чем у всех моих одноклассников вместе взятых. Всегда это-

му удивляюсь, но мои друзья почему-то вспоминают школьные времена со словами «слава Богу, это закончилось», а я в своей жизни школьную пору считаю вообще лучшим этапом жизни, который уже вряд ли что-то переплюнет. Время после выхода из своей альма-матер я называю простым доживанием жизни, потому что иногда кажется, что все прекрасное осталось именно там. Еще до того, как я сильно увлекся заботлением своего тела красивыми – и иногда даже что-то значащими – картинками, над коленкой я набил девиз нашей школы: «*Quien la sigue la consigue*» – «Кто хочет, тот добьется». Во время учебы я не вникал в суть этих слов, но как и со всем самым значимым в моей жизни – осознание важности приходит намного позже. Так произошло и с этим тайным знанием: с задержкой я узнал, что всего в жизни можно добиться – нужно лишь захотеть. Причем, когда я говорю, что можно добиться всего, я имею в виду, что можно буквально стать кем угодно, научиться всему, обрести все. Сейчас я знаю, что человек, у которого есть воля, – Бог, способный создать Вселенную. Но единственная проблема тут как раз в том, что не у каждого найдется эта самая воля. Во мне она проснулась примерно сразу после школы. А может быть, она была во мне всегда, просто я воспринимал ее как свою глупость, отстраненность и неспособность. В любом случае, после школы мне захотелось стать нормальным, поэтому я взялся за ум. чтобы наверстать упущенное и все-таки выбиться в люди. Или хотя бы попробовать.

В школе Татьяна Анатольевна помогла мне ощутить хоть в какой-то мере свою полезность. Точнее говоря, помогла перестать ощущать бесполезность. На школьных, районных и окружных этапах каждый год, начиная с 8-го класса, мы с ней разносили наших конкурентов, а вот уже на городском этапе мы стабильно брали на клык. Хотя и можно было объяснить это все тем, что «все куплено», но в сущности было понятно, что даже в единственном, в чем я потенциально мог бы преуспеть – спорте, – я не лучший. На Черкизовской как раз и проходили городские этапы данного замечательного соревнования, и каждый год мы туда ездили с надеждой все же выйти на российский тур, но за 4 года, к сожалению, этого так и не произошло.

Татьяна Анатольевна, организовывая дни подготовок и тренировок, подарила мне много друзей – в чем-то таких же нелепых и странных, как и я сам. Одним из них стал Валья Даньяно... Ваня Дальяно... Даля Ваньяно... тьфу, блин, Даня Вальяно – мой брат близнец, с которым нас, видимо, разлучили в роддоме, скрыв от нас этот ужасающий факт. Каждый раз на всех выездных мероприятиях мы с ним вели себя как настоящие обезьяны, заливаясь гоголом по любому поводу. А однажды мы и вовсе провалялись 10 минут на полу в истерике, когда я явился на выступление по гимнастике с небритыми подмышками. Не, ну а че, нас заставляли вырядаться, как пидоров, в обтягивающие шортики и белые майки-алкашки, а мне еще с детства казалось стран-

ным, что я должен скрывать ужасающие тайны своего бренного тела, которые усердно рвутся показаться наружу, отрастая каждые несколько дней. Не знаю, снизили мне балл из-за небритых подмышек или из-за того, что я где-то не дотянул мысочки, но на российский этап мы снова не вышли. Зато это было очень смешно. Вот так, собственно, все и закончилось: я не оправдал надежд Татьяны Анатольевны выйти на Россию, получил уйму впечатлений, закончил школу и отправился дальше по жизненному пути – но мы навсегда остались с моей любимой учительницей по физ-ре родственниками, подарив друг другу надежду на лучшее и ощущение своей востребованности – она как хороший учитель, а я как послушный ученик. А Черкизовская для нас с ней осталась непреодолимым рубежом.

Сейчас я ехал в поезде в район, расположенный довольно далеко от дома, что для меня несвойственно. Почти всю жизнь я прожил, не выезжая за пределы уютного «Войковская – Сокол – Аэропорт». Раньше, оказываясь где-то за пределами этого королевства, меня поглощал страх. Страх перед агрессивно выглядящими людьми, угнетающими пятиэтажками. Когда я был подростком, несколько раз на улице ко мне приставали подозрительные личности. Ничем фатальным, благо, это не оборачивалось, но все равно каждый раз оставляло свой неприятный осадок и нежелание выезжать далеко от дома. Особенно тот раз, когда чувак зачем-то

достал нож, грозно глядя на меня. Но с недавних пор мой страх куда-то ушел. Может быть, потому, что я забился татуировками и отрастил бороду, сам начав выглядеть как агрессивный дядька. А может быть, и потому, что стал просто много думать о жизни. Как я однажды услышал в лекции по философии, Мартин Хайдеггер сказал: «философия – это способ везде ощутить себя как дома», и я полностью с ним согласен.

Не так давно я стал понимать, что по сути-то ничего плохого с нами никогда и нигде произойти не может. Сложно объяснить это в двух словах, но в определенный момент наступает ясное осознание, что все есть как есть, а все страхи и переживания – сугубо человеческая слабость, существующая для того, чтобы создавать нарратив. Если бы не было страхов, то не было бы и нарратива, и тогда реалити-шоу «Земля» смотреть было бы просто скучно. Не было бы ни войн, ни интриг, ни скандалов, ни потуг добиться успеха и захватить мир. За последнее время я оказывался во множестве ситуаций, когда думал: «все, это конец», но почему-то я до сих пор жив, до сих пор все в порядке. Оказывается, что проблемы можно увидеть только в моменте, а есть они для того, чтобы был сюжет. Оглядываясь назад, легко заметить тот факт, что все проблемы, которые сопровождали нас на разных этапах жизни, незначительны. Просто нам свойственно придавать им излишнюю значимость в моменте, и из-за этого мы нередко остаемся слепыми к тому, что дей-

ствительно важно.

Этот мир – в сущности просто психушка с мягкими стенами. Здесь нельзя расшибить себе голову, даже если очень и очень постараться. Все кругом рассчитано на самого тупого, прям как учеба в институте. Все обито поролоном и простелено ватой, чтобы никто из тех, кто себя считает взрослым, вдруг случайно не поцарапал свою коленочку и не убежал плакаться воспитательнице. Все проблемы и страхи здесь – это фейк. Они есть только для того, чтобы давать повод прожить сегодняшний день в очередном копошении, которое, объективно говоря, никого ни к чему не ведет, хотя многие этого не замечают. Когда я это понял, та воля к захвату мира, воля к жизни, которая появилась у меня после школы, взяла и куда-то затухла. Теперь моя воля – жить тихой и спокойной жизнью, занимаясь тем, что я люблю. И мне от этого хорошо. Хорошо от осознания, что я знаю, что мне нужно, и что мне *не* нужно. Страхи любят нас одолевать, любят заставлять впрягаться в жизнь, потому что без страхов нет сюжета. Просто страхи у всех разные. Кому-то страшно потерять свое материальное добро: телефон, машину, кроссовки; кто-то впадает в оцепенение от мыслей о том, что вообще не понятно, что делать дальше, куда идти и ради чего; кто-то убивается из-за прошлого, из-за того, что что-то не срослось и не получилось. А я стараюсь ничего этого не делать. Стараюсь любой сквозняк, залетающий ко мне в голову, называть по имени. Я часто думаю, что мы – это волны. Колеб-

лющиеся гитарные струны.

Чтобы струна колебалась, у нее должно быть две точки крепления: на корпусе гитары и на грифе; рождение и смерть. Рождение изменить никак нельзя: оно в прошлом; а вот наша смерть, постоянно идущая за нами по пятам, поддается калибровке: можно подкрутить колки, натянуть-ослабить струну, настроить гитару, настроить свое звучание. Каждый из нас колеблется с разной частотой, но все мы вместе образовываем симфонию этой жизни. Да, в какой-то момент это, безусловно, полная какофония, но все же большую часть времени мы стараемся создавать благозвучия, входя в резонанс с другими струнами. То, что находится между точками крепления – рождением и смертью – и есть наша жизнь: бесконечные колебания. Нам не остается ничего другого, кроме как стараться не выбиваться из всего оркестра, не портить общую картину и впечатление. Кто-то может колебаться на высоких частотах, кто-то на низких (уу, здесь какой-то низкочастотный вайб, пойду-ка я отсюда), но это не меняет сути происходящего: каждый, *каждый* является участником этого концерта. Вайб тем выше, чем сильнее натянут колок. По-моему, в этом наблюдается прекрасная метафора: чем сильнее смерть тянет нас к себе, тем яснее становится сознание, не позволяя нам тратить и так короткое и мимолетное отведенное время в этой жизни на попросту бесполезные вещи. Осознание нашей временности и есть тот ключ к пониманию единственной важной вещи: *ничего пло-*

хого произойти не может. Всегда надо помнить, что, если струну перетянуть, она лопнет. И как всегда, хорошо бы нащупать баланс: настроиться примерно на ноты второй октавы и жить себе спокойно.

Свой баланс я с недавнего времени наконец нащупал. Кажется, я вырос, стал взрослым. Понял я это относительно недавно, когда мои последние беспричинные страхи просто развеялись. Когда меня отпустила паранойя, невроз, когда я перестал сожалеть о прошлом, винить себя, гонять в голове мысли, пожирающие меня изнутри, когда стали уходить мои суицидальные мысли. Мне тогда было 22 года.

Теперь прошло около двух месяцев с момента моего возвращения из того рокового путешествия, кардинально изменившего всю мою жизнь. Прошлый год я провел на острове Бали в Индонезии, созерцая бездну человеческого бытия, в которую сам себя и засунул. Жалею ли я об этом? Нисколько. Конечно, в какой-то момент все это чуть не закончилось плачевно, когда мне уже буквально не хотелось жить, однако же я взял себя в руки и сказал: «Все. Я покупаю билет и уезжаю отсюда». Действительно наступил тот момент, когда я понял, что не остается ничего другого, кроме как хотя бы попробовать вернуться из отчуждения и затвора. А изначально уехал я потому, что не мог найти себя. Не мог увидеть себя в простой человеческой жизни с 9 до 5, с авто в кредит, ипотекой в Мытищах (или, как сказал мой брат, «ебатекой в Пиздищах»), стремной женой и двумя малолетними обол-

тусами. Да даже простая жизнь, какая у меня была, без всех этих искусственно созданных проблем, все равно меня постепенно перестала привлекать. Да, я хорошо зарабатывал, хорошо жил, все было отлично, но что-то все равно было не так. Я искал чего-то, что, как я теперь понял, было нечеловеческим. Однако, как показал опыт моего года жизни в отстранении и десятки книг и духовных практик, жить нечеловеческой жизнью тоже не особо-то получается, ведь «где заканчивается человеческое, заканчиваемся и мы сами». Каков компромисс? Жить на балансе.

Мой купленный билет Бали – Москва был лучиком света, пробивающимся в бездну. Видимо, я все же был недостаточно глубоко, раз смог разглядеть этот свет. Перелет был, как обычно, магическим. Три отрезка пути: Бали – Джакарта, Джакарта – Стамбул, Стамбул – Москва, сначала вызывавшие у меня страх перед долгой дорогой, в действительности подарили мне уют и тепло под пледом в не до конца заполненных самолетах. С каждым преодоленным километром, наблюдаемом на карте нашего полета на экране монитора в кресле спереди, меня посещало сладкое предвкушение городской жизни.

В начале апреля после восемнадцати часов в дороге я приземлился в аэропорту Москвы. Мой школьный друг Никита, узнав о моем возвращении, предложил забрать меня из аэропорта, чему я крайне обрадовался. И еще больше я обрадовался, когда узнал, что вместе с ним приедет и мой брат

Никита. (Меня окружают одни Никиты.) Из иллюминатора самолета показался стандартный около зимний московский пейзаж: не пойми что лежит на земле, серая пелена натянута на небе. Я нисколько не расстроился от этого вида, потому что после года вечного лета на тропическом острове такое разнообразие даже за праздник.

Рукав протянулся к самолету, и все пассажиры, как обычно, суетно ринулись доставать свою ручную кладь с полка. Когда суетологи рассосались, я спокойно встал с кресла и достал с полки свой рюкзак. После этого я вышел из самолета и направился к паспортному контролю. Видеть русских людей в таком большом количестве было необычно, но в то же время приятно. Не знаю, почему, но каждый раз, проходя паспортный контроль, испытываю Кафкианский страх перед бюрократией и человеком с властью. У меня так было и есть всю жизнь: полиция, дпс, пограничники, все, кто с мундирами, вселяют в меня трепет и даже ужас. Ощущение, что на службу всегда избирают таких людей, глядя на которых начинаешь себя чувствовать виновным даже при том, что ты ничего не сделал. Наверно, из-за этого я всегда был законопослушным. Даже когда в детстве все друзья кичились тем, как воровали жвачки из магазинов, я не хотел допускать мысли, что когда-то попробую нарушить закон. Есть такие люди, которым все сходит с рук: они могут и воровать, и обманывать всех подряд, находить лазейки, обходы и прочее; однако про себя я знаю точно: стоит мне хоть подумать о том, чтобы что-

то нарушить, как меня поймают. Но в этот раз, как и во все прошлые, меня ни в чем не обвинили и дали спокойно пересечь границу. С облегчением я подумал: «Вот я и дома».

Подходя к багажным лентам, я вспомнил, как в детстве, когда мы много путешествовали с папой, мы с братом постоянно резвились и катались на этих лентах с багажом. Повезло, что нас тогда не раздавило чемоданом, вываливающимся на ленту. Опять везение, опять обыграли естественный отбор.

В этот раз багаж я получил довольно быстро. Мой чемодан был большим. Когда я только собирался в свою заграничную поездку, я думал о том, что привезу оттуда много вещей и одежды. Типичный совковый менталитет, желающий завезти чего-нибудь импортненького. Весь год я не покупал никакой одежды, но в конце не выдержал и затарился в дисконтном «Rip Curl», притарив вещичек в первую очередь для братика и для друзей (в основном, тишки с принтом «Bali»).

Когда я увлекся саморазвитием и минимализмом, мне захотелось, чтобы однажды все вещи, которыми я обладаю в жизни, поместились ровно в один средних размеров чемодан. Достичь этой цели было как раз одним из пунктов в моем списке дел на Москву. Хотелось сделать ремонт в комнате, выкинуть все лишнее, оставить только важное, чтобы в следующее свое путешествие я отправился с одним чемоданом, зная, что в нем все, чем я обладаю в жизни. Ну или хотя бы основная часть.

Взяв свой багаж с ленты, я пошел к выходу. Снова непонимающе посмотрел на надписи «Зеленый коридор» и «Красный коридор». Снова прошел в зеленый. И вот я в общей зоне. Вокруг было много маргинальных таксистов, которые не захотели входить ни в одну из каст современного онлайн-такси, считая, наверное, что Яндекс, ШитиМобил или ИнДрайвер – это от лукавого. Впереди оставались лишь автоматические двери, отделяющие меня от улицы. Я прошел в эти двери и сделал первый вдох холодного бодрящего воздуха в родной стране.

На улице было достаточно холодно: около 5-и градусов, но после года в ежедневных 30-и градусах – снова праздник. На мне были летние шорты, футболка и толстовка. Я не верю особо в привычки, но почему-то для путешествий у меня есть особенная футболка, которую последние 5 лет я всегда надеваю в дорогу: угольно-серая «Bodyguard». Возможно, я просто думаю, что не верю в приметы, но на подсознательном уровне все же верю, что в этой футболке мое путешествие безопасно. Теплых вещей я не брал с собой принципиально, потому что это лишний груз, который нужен обычно только для того, чтобы провести на улице каких-то несколько минут между такси и аэропортом – а в помещениях всегда тепло.

Я достал из кармана телефон. Телефон приконнектился к русской сотовой вышке, поймал сигнал, и я увидел СМСку от МТС: «Добро пожаловать в Россию». Про себя я им от-

ветил: «Спасибо». Я набрал номер Никиты и услышал его голос:

– Ты у какого столба? Мы стоим пока за шлагбаумом, чтобы бабки за парковку не накапали.

– Тэк-с, сейчас гляну. Кажется, около восьмого.

– Отлично! Тогда заезжаем.

– Аааа, ребята, давайте быстрее, у меня паника, – я осмотрелся вокруг и увидел этот пугающий мир. Мне было весело и радостно, поэтому я истерическим голосом визжал в трубку: – А-а-а-а я вижу первый жигуль!! Боже, как я давно их не видел!! Мне страшно, давайте быстрее!

– Подъезжаем!

Я увидел подъезжающую тачку бизнес-класса, и понял, что это за мной. Никитос, который в своей жизни почти не работал на тот момент, каким-то образом умудрился выпросить у родаков Citroen C6. Как Никита постоянно всем говорит, на такой машине в свое время ездил сам Николя Саркози. Машина остановилась, я открыл дверь и прыгнул внутрь.

Видеть друга и брата спустя такое огромное количество времени казалось чем-то совершенно нереальным. В голове не укладывалось, что мы были все это время порознь, но у каждого все равно развивался свой сюжет жизни. И вот спустя время наши дороги снова пересеклись.

– Чувааааааки, как же я рад вас видеть, – радостным голосом сказал я другу и брату.

Мы все обнялись.

– Шикарно выглядишь! Похож на Тарзана! Загоревший какой! – осыпали меня комплиментами. – Как долетел? Как дорога?

– Да прекрасно все, как обычно. Кормили вкусно, фильмы были интересные. Почти и не заметил, как время прошло.

– Ну шикарно вообще. Погнали домой тогда? – предложил водитель бизнес-класса Никита.

– Да! Уже не терпится! – с предвкушением ответил я.

Машина тронулась с места, и мы поехали в сторону дома. Карта показывала, что ехать нам 40 минут. За окном бежали московские пейзажи – сначала загородные, потом городские. Какие-то места по пути я узнавал, какие-то – нет, но все же уже чувствовал, что нахожусь дома. По дороге мы с ребятами болтали и обменивались новостями, слушали новый трек, который на днях мой брат записал со своим творческим товарищем.

После прослушивания трека каждый из нас притих на несколько минут, погрузившись в свои размышления. Мой брат всегда пишет такую музыку, которая заставляет задуматься: меланхоличную, «сос мыслом». После паузы мы продолжили наш веселый разговор, и тогда я окончательно понял, что оставил свой прошлый этап позади, взяв от него лучшее, что он мог мне предоставить. Сейчас я тут, с друзьями и родственниками. Сейчас начинается моя новая жизнь, которую я выбираю во имя перемен в лучшую сторону.

Из динамика в вагоне объявили мою станцию. Задумавшись, я не заметил, как доехал. Я вскочил, окинул взглядом место, на котором сидел, убедившись, что ничего не забыл, и выскочил из вагона через закрывающиеся двери. «Если я еще куда-то спешу и опаздываю, значит, жизнь еще не кончена», – подумал я и немного улыбнулся, глядя в небо.

Хикари.

– Всем привет! – с широкой улыбкой сказала Хика́ри и вошла в помещение.

Люди в комнате, которые долго пребывали в глубокой задумчивости, встрепенулись и подняли свои взгляды к Хикари. У нее создалось впечатление, что она отвлекла их от глубокой медитации или прогулок по просторам Астрала.

– Привет, – ответил ей один из присутствующих.

– Вам ведь пришлось пройти через все то же, что и мне, прежде чем попасть сюда?

Видимо, вопрос был лишним, потому что никто не ответил, все только молча поглядели на нее. Их глаза говорили все за них: они оказались здесь точно так же, как она, пройдя через эту же цепочку.

Люди в комнате были действительно слегка поникшие. Кто-то из них до сих пор не мог осознать все то, что произошло. То, что Хикари улыбалась, их несколько не смутило: все они понимали, что в состоянии аффекта человек может смеяться даже после только что случившейся трагедии. Благо, ни у кого из них трагедии не произошло. Просто случился так называемый инсайт. Их подозрения и догадки вдруг оказались правильными и привели их к изменениям.

– Вы давно тут сидите? – спросила Хикари.

– Не знаем. Все по-разному, – ответил ей один парень,

который сидел на пуфике в углу комнаты.

– Интересно. Надеюсь, за нами уже скоро придут, не хотелось бы тут проторчать долго.

Все люди в комнате были одеты в белые одежды, а на Хикари все еще была ее одежда с улицы. Точнее, не с улицы, а с *вне*, потому что за окном точно была не улица, хотя и окон тут не было. Ее джинсы, длинный плащ темно-зеленого цвета и желтый вязаный шарф и берет сильно выбивались из общего вида и создавали в комнате ощутимое неравновесие. Хикари быстро поняла, что это нервирует окружающих, поэтому подошла к своему лотку с белыми облачениями, взяла их и отправилась в угол комнаты, где на отходящих от стены перекладинах висела шторка. Хикари скрылась за шторкой и через пару минут вышла из-за нее одетой, как все. Она сложила свою старую одежду в лоток и поставила его в то место, откуда взяла. Как только она поставила лоток в нишу, он вместе со всем содержимым провалился внутрь. Хикари только успела вскрикнуть: «Эй! У меня же там телефон лежал и все мои личные вещи!» Окружающим ее людям показалось странным, что в этой ситуации она до сих пор беспокоится за то, что уже вряд ли ей когда-то пригодится. Поведение Хикари было явно обусловлено ее не очень высоким метафизическим уровнем – но это ничего страшного, скоро Хикари предстоит стать мудрее. Да и вовсе не обязательно было становиться духовно-просвещенным или монахом, чтобы оказаться там, где оказалась она наравне с этими ка-

завшимися совсем не возмутимыми людьми. Хикари смирилась с утратой и решила занять последнее оставшееся свободное место.

Сев на пуфик, Хикари стала разглядывать комнату. Кажется, на дизайнера интерьерера (или интерфейса – еще не понятно) сильное влияние оказал стиль глассморфизм. В комнате друг напротив друга было две двери: одна толстая, с вентилем, который повернулся сразу, как она зашла, а вторая раздвижная с лампочкой над ней. Все углы в комнате были скругленными (где-то, 20 рх), поверхности окрашены либо #FFFFFF цветом, либо градиентом, в котором было только два оттенка: #00E5FF и #D500F9; использовалось много матового стекла, за которым все было заблюренным. Это сочетание элементов очень радовало глаз Хикари, и в комнате она скоро стала ощущать себя умиротворенно. Страх постепенно сошел на нет, а радость стала осознанной, нежели аффектной. Хикари всю жизнь придерживалась позитив-финкинга, поэтому в любых жизненных обстоятельствах ее тяжело было заставить почувствовать себя некомфортно.

Просидев на пуфике несколько миллионов лет, Хикари все время пыталась вспомнить о том, как сюда попала, но, кажется, эти мысли стали необъяснимым образом выветриваться из ее головы. Из совсем незаметной пробоины на дне ее сознания скоро вытекло все лишнее, и тогда над раздвижной дверью загорелась лампочка.

Лампочка переливалась теми же самыми градиентными

цветами за матовым стеклом, как и все остальное в этой комнате. Все, кто находился в помещении, уставились на эти чарующие колебания и едва заметили, как раздвижная дверь плавно открылась. Все сразу поняли, что наконец дождались. Тот, кто стоял за дверью, бодрым и доброжелательным голосом воскликнул: «Карантин закончился, друзья! Проходите же!»

1.

Лучшие, прощ

Мы с тобою мечтаем о чем-то большем

Выше, дальше

Я не останусь тем, кем я был раньше

Помню один из крайних разговоров с мамой перед моим возвращением:

– Не уверен, что смогу вернуться. Не хочу обратно. Но не хочу и оставаться здесь. Ненавижу эту жизнь. Ненавижу все, чем живут люди. Хочу просто законсервироваться и просидеть в тишине до конца.

– Перестань говорить такое!! Как тебе не стыдно! Тебе была дарована жизнь, а ты ее не ценишь...

– Я не выбирал эту жизнь, – перебил я. – Это ты – ты! – выбрала эту жизнь для меня. Я не просил.

– Еще раз говорю: перестань произносить такие вещи!

– Вот скажи мне, чем живет большинство людей?

– Посмотри вокруг, – почти не слыша меня, продолжала она, – люди что-то строят, образуют семьи, живут себе счастливо со здоровой головой. Почему же тебе так нейдет?

– А я тебе скажу, чем живет средний человек. Двумя простыми вещами: А. Заработать денег и Б. Трахнуть кого-ни-

будь. Вот серьезно, ты видела, чтобы хоть какие-то стремления выходили за рамки вот этих двух моментов?

– Да? Интересно. А ты разве не так живешь?

– Не буду спорить, что раньше жил именно так. Потом осознал это, и мне вообще перестало хотеться жить.

– Мне сейчас что делать? Покупать билет и ехать туда к тебе забирать тебя? Ты зачем, находясь за полмира, устраиваешь мне такую нервотрепку?

– Вообще-то я позвонил тебе в надежде услышать хоть какой-то весомый аргумент в пользу того, почему я должен жить, если я не хочу больше заработать денег и трахнуть кого-нибудь. Я с тобой делюсь как с родным человеком в надежде на полное понимание, а теперь создается впечатление, что лучше бы и не делился вовсе.

– Ты считаешь, что это нормально звонить родной матери и заявлять, что больше не хочешь жить?

– Ладно, может быть, я действительно начал неправильно. Давай тогда поставим вопрос по-другому. Я хочу жить, но не знаю, как. Просто скажи, что мне делать.

– Я уже говорила тебе это много раз: тебе не хватает ответственности, ты заиклился на себе, и кроме себя в этой жизни ничего не видишь, ни о ком не заботишься. Посмотри на свое положение: ты молодой, полный сил, отлично зарабатываешь, много чего умеешь, свобода, путешествия в любое время с твоей удаленной работой. Конечно, ты уже к своим 22 годам сделал многое, что другим людям и к старости не

светит.

– План действий? Что делать дальше?

– Займись общественными работами, начни переводить деньги в фонды. Позаботься о людях, прояви ответственность, посочувствуй. Съезди в детдом, посмотри, как живут брошенные дети, помоги кому-нибудь, усынови.

Кстати, деньги в фонды я и так переводил до поры до времени. Последние пару лет у меня был оформлен ежемесячный платеж на сумму 500р. в случайный фонд на «Добро Мейл.Ру», и еще несколько месяцев я переводил свой кэшбэк с карты в какой-то фонд помощи окружающей среде. Потом в какой-то момент я просто психанул и в порыве ненависти к бытию со словами «да провалитесь вы все под землю» отменил подписки, чтобы перестать поддерживать слабость, создавая почву для распространения слабости. Страдание было всегда, страдание будет всегда. Пока мы поддерживаем борьбу против страдания, мы приумножаем страдание. Прочитав только названия фондов (например, «Старость в радость», «Счастливое детство», «Возможности для тех, у кого их нет»), становится понятно, что страдание можно легко прекратить, если просто подарить всем жителям Земли контрацептивы.

– Зачем это все? Зачем? Чтобы помочь кому-нибудь потом заработать денег и трахнуть кого-нибудь? – продолжал я. – Ты понимаешь, что помочь кому-то в жизни просто невозможно. Ты либо помогаешь сам себе, либо никто уже не по-

может. Даже если «осчастливить» человека и, скажем, забрать его из детдома, то ты-то сам, наверное, и выйдешь из цепочки деньги-секс – на время, – но тот человек, которому ты помог, в нее только войдет. Это Сансара. Из нее никак не выйти, кроме как вообще перестать плодиться. Единственное, чем я реально могу помочь, это устроить свой фонд по стерилизации. Бесплатная вазэктомия для каждого желающего и не желающего. Этому поганому миру не нужно было бы, чтобы кто-то его спасал, если бы все просто включили мозги и сами перестали утопать в грязи.

– Я не знаю, что тебе сказать. Если ты так не хочешь никому помогать, то подумай хотя бы обо мне, обо всей нашей семье, о твоих друзьях и близких. Ты хоть можешь представить, какое ты можешь устроить горе для всех нас?

Я задумался. А ведь действительно это весомый аргумент. Человек и так практически всегда пребывает в несчастье с ощущением нехватки чего-нибудь. А добавь сверху событие «самоубийство родственника» – и жизнь вовсе может превратиться в сущий ад. Кто я такой, чтобы своим ничтожным, едва уловимым, вечно перетекающим «я» добавить еще и трагедии к и без того трагичным и призрачным человеческим жизням?

– Ты права, – согласился я.

– Что?

– Ты права, говорю. Это самый весомый аргумент. Я должен жить просто ради тех, кому дорог я и кто дорог мне.

Пусть эта жизнь сто раз бессмысленна, но я просто должен жить, чтобы не добавить трагедии. Устроить бунт против абсурда.

Я говорил это совершенно искренно, потому что знал, что моя мать, которой пришлось пройти через все круги ада с нашим отцом, хоть на старости лет должна заслужить свой покой. Ей не очень повезло, что в наследство от бывшего мужа остались нервотрепщики. Но она сама делала свой выбор, когда связывала судьбу с шизофреником. Может быть, он даже был гением, но интеллект у него точно был высокий. Жаль, что все его ресурсы были направлены вообще не в то русло, отчего теперь язык с трудом поворачивается назвать его гением. Скорее, просто потерявшийся в жизни умный человек. Загубленная судьба ошибками прошлого и отсутствием внимания родителей на раннем и самом важном этапе жизни.

«Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом», – гласит Кант со своим категорическим императивом. У каждого человека есть свой долг. Долг должен быть исполнен во имя нравственности. Я выбираю жизнь, потому что считаю правильным любому человеку в подобной ситуации выбрать жизнь. Я не выбираю смерть, потому что считаю *неправильным* любому человеку в подобной ситуации выбрать смерть. Все. Точка.

Следующий месяц до моего возвращения домой мать звонила мне почти каждый день, справляясь о моем состоянии.

Уверен, я сильно ее взволновал. Об этом я не особо сожалел, потому что считаю, что выложил все по-честному, as is. Если она не способна до конца вникнуть в мое состояние, видя в этом нечто «неправильное», это не мои проблемы. Все же постепенно шумиха вокруг ситуации улеглась, потому что я сделал свой выбор, который ее вполне удовлетворял.

Возвращаться домой нужно было с какой-то конкретной целью, и у меня эта цель была – социализироваться. Оказавшись в городе, я сразу почувствовал, насколько сильно он располагает к общению. Почти каждый день я встречал у себя в районе школьных друзей – с одними из них мы не виделись год, с другими – пять лет. С некоторыми старыми знакомыми, с которыми раньше мы вроде как дружили, наш смолл толк заканчивался фразой: «Ну, надо будет как-нибудь встретиться, нормально погулять, пообщаться», но, как обычно, это были лишь пущенные на ветер слова: никто мне так и не предложил встретиться первым, а те, кому писал я, пропадали после первого «ой ну вообще-то я занят(а) в этот день, давай в другой». Видимо, им не очень-то и надо было со мной встретиться, а зачем предлагают – не знаю. Понимаю, что, чем дольше живу, тем меньше мимолетных знакомств мне нужно; у меня вырабатываются вкусы, возникает понимание о прекрасном и о том, что нужно именно мне. Я дорожу своим скромным списком любимых исполнителей, двумя лучшими друзьями и какими-то мелочами,

делающими мою жизнь прекрасной в моем понимании. Все лишнее потихоньку отсеивается, остается только то, что мне действительно дорого. Так, со временем я перестал предлагать встретиться призракам прошлого и сконцентрировался на тех, кто еще пока жив.

Каждая наша встреча с Энтони после долгой разлуки – это целое событие. Энтони Наварро – мой школьный друг. С ним мы познакомились, когда я учился в 8-ом классе, а он в 6-ом. У него тогда был детский писклявый голос, а у меня ломаный голос прыщавого ушлепка на самом пике переходного возраста. Мы познакомились в секции тенниса при институте МАИ около нашей школы. Точнее, не в секции тенниса, а в общей раздевалке, где переодевались ребята, занимающиеся теннисом и таэквондо. Энтони тогда занимался теннисом, а я таэквондо. Учились мы в одной школе, но в школе почему-то друг друга не замечали до того, как начали пересекаться в раздевалке спортивного клуба. В детстве мама отправляла меня на все возможные дополнительные занятия и кружки, поэтому, прознав о том, что в спортивном клубе есть еще и теннис, я стал ходить и на него тоже. С этого момента наша дружба с Энтони стала укрепляться и развиваться.

Теннис был и остается нашей первой точкой соприкосновения – то, с чего все вообще зародилось и началось. Второй же точкой, которую мы очень быстро нащупали, стала любовь к Эминему.

В 6 классе я сильно увлекался игрой «Guitar Hero III» для Nintendo Wii. Постоянно играл в нее дома, развивая свои щуплые детские пальчики. В те времена моим самым большим вдохновением было видео на Ютубе, в котором какой-то безумец исполняет DragonForce – Through the Fire and Flames на уровне «эксперт». Мне до такого мастерства было очень далеко, поэтому я оттачивал Tenacious D – The Metal на уровне «средний».

В какой-то момент в те времена у моего одноклассника-мажора Антона Михеева, у которого были богатые родители и примерная семья, появилась казавшаяся тогда нереальной игра «Guitar Hero: World Tour». И не просто игра, а игра с набором Band Kit – это означало, что можно было играть не только на гитаре, но и на барабанах и даже петь.

Как-то раз в раздевалке мы с Михеичем договорились собрать свою банду, чтобы играть вместе в эту игру. Мы с ним были гитаристами, а барабанщиком к нам присоединился наш общий друг Марк Степанов. В течение нескольких месяцев пару дней в неделю после школы мы заваливались к Антохе на «репетиции». Марк часто лажал, потому что был неказистым барабанщиком без чувства ритма, и нам приходилось его спасать, набирая дополнительные очки, чтобы пиксельная публика была нами довольна. Мы никогда не держали зла на Марка, потому что ему досталась самая тяжелая роль: никто из нас тогда не обладал ни чувством ритма, ни способностью совладать со всеми своими конечностями.

В какой-то момент мне выпал редчайший шанс, который маячит на горизонте лишь раз в жизни, переплюнуть Антона Михеева: появилась новая игра «DJ Него». Я растряс родителей на бабки, и заказал через Ozon эту замечательную новинку. Теперь для исполнения надо было не дергать по струне, зажимая аккорды, а крутить виниловый диск и ползунки, прокачивая ту же самую пиксельную публику шикарным рэпаком и хип-хапом.

В один из дней мама позвонила мне на перемене и радостно доложила: новая игра приехала. Я был безмерно рад и сразу же пригласил Антона Михеева пойти ко мне после школы затестить новую игрушку. Он согласился. Ха-ха, вот сейчас-то я и утру ему нос и заставлю его завидовать... Но не тут-то было. Когда мы пришли домой и стали все подключать, диджейский пульт-контроллер отказывался работать. Просто не включался, и все.

Оказалось, что мне пришел бракованный экземпляр. Нос Антохе я так и не утер, а игру мы с мамой обменяли на новую на станции «Динамо» на одном из складов Ozon'a. Однако все было не так плохо. Запустив игру дома в одиночестве, я испытал волну детской эйфории – настолько сие произведение искусства было прекрасным. На одном из уровней «сюжетки» мне предложили исполнить песню Eminem – My Name Is. Это был тот самый момент, когда я впервые в жизни осознанно услышал Эма. Хоть я ничего и не понимал по-английски, его дерзкий и игривый голос заставил меня проник-

нуться. Я тут же скачал этот трек с торрентов себе на плеер – у меня тогда был iPod Nano 6 – маленький квадратик – и стал слушать его на репите каждый день. Со временем мой треклист пополнился и другими песнями Эма, создав почву для нашего соприкосновения с Энтони, который был заядлым любителем рэпа как восточного, так и западного побережья. Уже после знакомства с Энтони Эм стал для меня первым исполнителем, которого я стал слушать целыми альбомами. Именно тогда ко мне пришло понимание, что музыкант пишет целостную картину из небольших фрагментов, и сюжет, как иголка с ниткой, пронизывает все эти фрагменты. Со временем я почти перестал слушать музыку отдельными треками – скорее только только в целях ознакомления – и перешел на прослушивание в формате альбомов, поэтому сейчас моя личная коллекция музыки состоит из целых альбомов.

С Энтони мы бок о бок прошли через огонь и воду во время и после школы, тем самым утвердив нашу дружбу во веки веков. Мы с детства были отморожками и постоянно по черному шутили. Сначала мы смеялись над тем, что у меня умер батя, а потом, когда Энтони учился в восьмом классе, умер батя у него, и мы стали смеяться над этим. Летом после моего первого курса института мы с Тони, его сестрой Агатой и бабушкой Фаиной Борисовной поехали в Турцию. В одно утро нас разбудил неистовый стук в дверь – Агашка вбежала в комнату и сказала, что бабушка упала и сломала

ногу. Мы все с криками «ну пиздеееееец» побежали в сторону пляжа. Оказалось, что на скольком камне Фаина Борисовна подскользнулась и во время падения разбила о землю свою хрупкую коленную чашечку, которая раздробилась на 3 крупных части и мелкие осколки. Чашечку в местной больнице собрали, бабушку на коляске довели до Москвы и получили новый повод для черных шуток – про бабушку Энтони Наварро.

Однажды перед нами с Энтони предстала возможность увидеть нашего кумира вживую. В один из февральских дней я листал ленту ВКонтакте и увидел пост от сообщества «Festival Tours» о поездке на концерт, мать его, Эминема. Festival Tours – это девушка-энтузиастка по имени Аня, которая больше десятка раз в год собирает так называемые Fan Bus'ы – фанатские автобусы для поездок на концерты в дальние края, в основном за рубеж. Годом ранее я ездил в фанбасе на концерт Blink-182 в Стокгольме. Точнее, не ездил на их концерт, а собирался поехать. Все мы собирались, весь фанбас. И когда билеты уже были куплены, и все было организовано, за 2 недели до выезда Блинки заявили, что в рамках своего летнего тура не успевают заехать на три концерта в скандинавской части Европы из-за накладок в расписании. После этой новости у нас была депрессия. На замену Блинкам поставили Sum-41, и я, как и большинство, решили не отменять поездку, потому что это в любом случае новые знакомства, впечатления и эмоции. Так оно и оказалось: мы

на славу повеселились, и самое главное – я выяснил, что фан басы – это круто. Поэтому сейчас, увидев новость о такой же поездке на концерт Эма, в тот же город – столицу Швеции Стокгольм – я не раздумывая позвонил Тони:

– Бро, нам нужно встретиться сегодня вечером, у меня есть новость.

– Что за новость? – спросил он.

– При встрече.

– Заинтриговал!

– В 7 часов около твоего подъезда.

– Договорились.

Мы, как обычно, отправились в Метрак, и, сидя за столом с бургерами из «Франклин’с» в руках, я решил поведать Тони свои мысли:

– Бро, это будет последнее лето, когда ты в Москве. Дальше, когда ты уедешь, уже непонятно, будет ли у нас когда-нибудь шанс так же проводить время, как мы это делали все последние годы...

– Я знаю...

– Поэтому, мне кажется, у меня есть идея, как нам увековечить это лето.

– Я весь внимание, – с трепетом сказал Энтони.

– Брат, мы едем на Эминема.

Несколько секунд молчания.

– Что? – с недоумением спросил он.

– Мы едем на концерт Эминема, – повторил я.

– Это как?

Я достал телефон, открыл тот пост, который увидел утром, и показал Энтони. Он все внимательно прочитал: про маршрут, точку назначения, условия поездки, даты, цены и прочее.

– Я не знаю, что сказать. Чувак, это может стать одной из наших самых запоминающихся поездок в жизни, – сказал он.

– Это будет легендарно.

В следующие несколько месяцев мне предстояло заработать денег на эту поездку. В тот февральский месяц я уже почти не учился в институте: посещал только те лекции, которые мне были интересны – по компьютерной графике, философии и социологии. Меня всегда забавляло, что учился я в техническом ВУЗе, но любимыми предметами были все равно гуманитарные – то ли по инерции еще со школы, то ли потому, что учителя были намного лучше. В техническом институте за полтора года обучения меня больше всего порадовала учительница русского языка и учитель истории России, который во время своих лекций из головы, без подглядываний, выдавал всю историю нашей страны со времен князя Рюрика до новейшей истории со всеми датами и фактами. Настоящий профессионал.

С января месяца я активно приступил к поискам своей первой работы и в скором времени надеялся ее найти. На тот момент я уже год занимался на онлайн-курсах по программированию, осваивая профессию Android-разработчи-

ка. Пришел я к этому после того, как на студенческих каникулах после первого семестра в институте вдруг поймал себя на размышлениях: а что я собственно получил за эти полгода, проведенные в ВУЗе? Когда ответом на мой вопрос после нескольких дней размышлений и анализа стало «ничего», я сначала не поверил, потом еще раз все проанализировал и понял, что надо бежать. Тогда после возвращения из нашей каникулярной поездки в Сочи с мамой и братом я зарегистрировался на платформе онлайн-курсов и приступил к освоению первой понравившейся профессии, выбрав, фактически, наобум. Мне повезло, и профессия очень даже увлекла и понравилась. Еще со школы я почему-то знал, что хочу быть программистом; в ВУЗе, куда я поступил как раз, вроде как, на программиста, технологии, к сожалению, оказались слишком старыми и неприменимыми в реальном мире. И вот спустя год самостоятельного обучения предомной стала маячить реальная возможность начать получать деньги за свой труд. Я начал записываться на собеседования на вакансию Junior Android Developer и спустя месяц поисков в середине февраля мне удалось устроиться в какую-то небольшую фирму, занимавшуюся непонятно чем. Там я проработал, занимаясь тем самым «непонятно чем» следующие шесть месяцев, успешно заработав нужную сумму на заветную поездку. В конце июня у меня был мой первый отпуск, выделенный как раз под эту поездку.

В 8 часов теплого июньского вечера мы с Энтони с неболь-

шими сумками стояли у себя в районе на остановке в ожидании троллейбуса до метро. За несколько дней до отъезда мать Тони оформила на меня доверенность на своего сына, это нужно было, потому что ему было 17 лет, а самостоятельно путешествовать можно только с 18-и. Путь нам предстоял весьма интересный. Фан бас стартовал из Санкт-Петербурга – оттуда близко до границы с Финляндией. До Питера мы добрались на ночном поезде в купе. Прибыв ранним утром, мы побрели в единственный круглосуточный макдак, работавший в 5 утра, неподалеку от вокзала, чтобы затариться Мак-Завтраком в поездку. Я купил себе 6 или 7 бургеров, чтобы их хватило на пару-тройку дней питания, зная, что русскому человеку тяжело позволить себе еду за еврики. Фан бас ждал нас в районе 6 утра на Площади Восстания. Мы уселись, со всеми познакомились – хотя с кем-то я уже был знаком из прошлой поездки: оказалось, я не один такой, кто слушает и рэп, и поп-панк. Наш автобус тронулся, и мы с улыбками на лице начали ощущать предвкушение. На первом этапе нас ожидало 5 часов езды до границы с Финляндией, и мы решили немного доспать нехватившие часы. Проснулись мы, когда уже подъезжали к границе. Контроль пришлось проходить отдельно от автобуса, поэтому всех попросили выйти. Долго нас мурыжить не стали, поэтому уже где-то через 30 минут, мы сидели в автобусе и направлялись на паром в Хельсинки. Из нескольких городов Финляндии ходят паромы до других стран Европы. Меня до сих пор удивляет, что

их называют паромами. Когда в поездке в предыдущем году было сказано, что мы на пароме поплывем до Швеции, я думал, что это будет маленький кораблик по типу тех, что курсируют по Москве-реке. Когда же в порту, пройдя по коридорам, я увидел перед собой одиннадцатизэтажный круизный лайнер, я спросил, где здесь паром. Оказалось, что это и был наш паром. Паром с несколькими казино, магазинами, ресторанами, сотнями номерами-каютами и широченными палубами. Сейчас нам с Энтони предстояла поездка на таком же «пароме». Я не хотел заранее рассказывать, что это за корабль, чтобы он увидел все сам. Когда мы прибыли в порт, я был обрадован его реакцией: «паром» ему явно понравился. На корабле мы провели около суток. Во время поездки с верхней палубы мы наблюдали сначала за морскими пейзажами, потом, приблизившись к Швеции, стали красоваться видами малонаселенных земель с редкими домиками. Вечером мы обошли все этажи лайнера, чувствуя себя полноправными участниками этой богатой жизни, хоть в казино мы и не играли. Ночевали мы в уютных четырехместных каютах, которые были похожи по строению на купе в поезде, но с большим количеством пространства, с хорошим ремонтом и собственной ванной комнатой. Утром я перекусил все теми же завтрачными бургерами из Мака. Вскоре наш круизный лайнер пришвартовался в порту Стокгольма, и мы побрели на берег среди большой толпы людей, которые, как мы поняли, тоже приехали на концерт Эма, ведь из всех ко-

лонок играли его треки – особенно недавно вышедший фит с Ройсом – Caterpillar. Сев в автобус, который проделал весь этот путь в отделении для машин, мы направились заселяться в гостиницу. В Швеции нам предстояло провести 3 дня: день прибытия, день концерта и день отбытия. День прибытия мы провели, гуляя по центру города. Лежа ночью в кровати, я прогонял в голове мысли: «завтра мы увидим Эминама». Проснувшись утром того самого дня, мы снова отправились гулять – концерт должен был быть вечером. Весь день я говорил Ане: «Может быть, поехали пораньше? А то будем стоять в самом конце», на что она отвечала мне: «Расслабься, все успеем». Мне с моим русским менталитетом было немыслимо, что шведы приходят на концерт не за 8 часов, чтобы стоять в первых рядах, а просто ко времени, и, в добавок ко всему, никто еще и не толкается и не толпится во время самого концерта. И вот настал тот заветный момент: мы припарковались около концертной площадки и направились на стадион. Вообще все тогда было как во сне, поэтому очень тяжело что-либо говорить конкретное. Помню только следующее: Rouse Da 5'9” и Pusha-T на разогреве, Caterpillar и неоправдавшаяся надежда увидеть выход Эма на его куплете, потом долгое ожидание, интро, крики, Eminem на сцене, вспышки света, Rap God, Not Afraid, My Name Is, Real Slim Shady, Monster, бесконечные крики, люди вокруг и мы читаем в такт Эму, Lose Yourself, слезы, снова крики, «Thank you, Stockholm!» со сцены, наши вопросы с Энтони друг дру-

гу: «Это все по-настоящему?»

Иногда, задумываясь о нас, мне видится удивительным, что внешне мы такие разные, а внутри – родственные души. Энтони – смуглый парнишка с короткими угольно-черными волосами, с серьгой в одном ухе, среднего роста, латиноамериканской внешности. Отец Энтони был родом из Сальвадора, в молодости перебрался в Северную Америку, где построил успешную карьеру повара высшего класса и обзавелся гражданством. Мать – русская. Родители познакомились в Москве, полюбили друг друга, завели семью и открыли свой эксклюзивный ресторан латиноамериканской кухни «Наварро’с». Каждый раз, когда Энтони приглашал меня в Наваррос бесплатно покушать, я был самым счастливым на свете, особенно глядя на цены в их меню, где среднее блюдо стоило 500р. Энтони очень любит футбол и часто поводом нашего совместного похода в Наваррос был просмотр очередного финала лиги чемпионов на проекторе.

У Энтони и его сестры Агаты с рождения было два гражданства – русское и американское, отчего по дефолту вокруг них витала элитная и эксклюзивная аура.

Мы с Тони все время друг друга мотивировали быть лучше. Помню, когда он учился в 7-ом классе, в какой-то он момент сказал: «Хочу накачаться». Это все, что он тогда сказал, после чего на пару лет пропал в качалке. Когда же он оттуда вышел, он стал просто зверюгой: раздутый грудак, огромные битки, широченные плечи, необъятные ноги. Мне все-

гда очень нравились люди дела: сказал – сделал. Без пустых слов, без долгого планирования. Просто захотел накачаться – купил абонемент – стал ебашить как проклятый.

Из-за разницы в возрасте я закончил школу на 2 года раньше Энтони. Когда он учился в 10 классе, я помогал ему готовиться к ЕГЭ по базовой математике, сам я этот экзамен сдал на максимум, потому что он был довольно простым. А вот с профильной математикой я обосрался, а Энтони она и вовсе не нужна была, потому что план у него был известен еще, можно сказать, с рождения: после школы переехать в Америку.

Последнее лето перед отъездом Энтони было немного печальным. Каждый день, возвращаясь на Факультетский Переулок, где он жил, мы считали, сколько дней у нас осталось. Хотя мы и старались *carpe diem*, все равно было грустновато. И вот лето закончилось, и настала пора Энтони уезжать в его новую жизнь. И даже в этом мы с ним совпали, ведь у меня абсолютно в тот же момент начинался неизведанный этап: в конце лета после второго курса я окончательно бросил универ и устроился работать в свою первую крупную IT-компанию – Мейл.Ру.

Первые полгода после отъезда моего друга дались нам непросто. Мы каждый день созванивались, Тони плакался и говорил, что хочет обратно, а я его отговаривал, аргументируя это тем, что здесь будет не лучше – все равно рано или поздно все куда-то разъедутся. Единственным нашим

местом встречи на этот период стала карта в Доте, где Энтони большинство времени представлял предо мной в виде сшитых воедино кусков гнилого мяса – Пуджа. Даже в этом Пудже был невероятный эксклюзив, созданный редчайшим артефактом – Драгон Хуком, который достался Энтони в результате выигранного спора с каким-то его знакомым.

Энтони возвращался в Москву на праздники, и мы проводили счастливые несколько недель вместе, после чего опять в слезах расставались. Конечно, человек ко всему привыкает, поэтому все же спустя время новая американская жизнь стала привычной для Тони. Его заняли вопросы аренды жилья, уплаты налогов, покупки своей мебели, которую у пендосов принято перевозить с собой при снятии жилья в аренду. Также у него было учебы по горло, которую в community college надо было выполнять всегда на «отлично», чтобы получить возможность претендовать на стипендию при поступлении в university.

Когда начался Ковид, весь мир перешел на удаленку. Я в то время жил на Бали, где, собственно, и встретил начавшийся апокалипсис, а Тони решил воспользоваться возможностью и рванул в Россию. К моменту моего возвращения в Москву, он был в России уже больше полугода и планировал пробыть еще почти столько же, и это, кстати, было одним из важнейших поводов мне вернуться: сулило лето, как в старые добрые времена.

Онбординг.

– Вам о чем-нибудь говорит фраза «как в старые добрые»? – поинтересовался Они.

Вся группа только что вошедших людей в замешательстве переглянулась. Им было непонятно, почему вместо представления им сразу задают такой необоснованный вопрос. Конечно, каждый знал смысл этих слов, но никто не решался заговорить первым.

– Что ж, не проблема. Здесь мы с вами хорошенько изучим этот вопрос! – с энтузиазмом сказал Они.

С минуту Они разглядывал группу людей. По его лицу было видно, что он погрузился в глубокую задумчивость. Группа в ответ уставила на него свои взгляды, и на лицах участников читалось выражение *kinda like* «what's next?» Видимо, додумав свою мысль до конца, Они встрепенулся, и на его лице снова натянулась улыбка. Улыбка была доброй, внушающей спокойствие и ничего, кроме него.

– Давайте же знакомиться! Судя по вашим лицам, вам вообще не понятно, что здесь происходит. Не переживайте – так с каждой группой новичков. У нас уже отработан сценарий онбординга, по которому мы с вами пройдемся. Следуйте за мной, дамы и господа!

Они развернулся и забавной походкой, словно он утка, переводящая своих утят через дорогу, направился вперед.

Выйдя из комнаты, Хикари оглянулась. Вокруг было просторно, потолок в этой части помещения был высотой около 10-и метров, одна стена от земли и до самого потолка представляла собой невероятных размеров панорамное окно. Из окна бил ослепительный свет. В глазах создавался эффект, как при съемке против солнца, когда выделяешь темный объект, и вся фотография становится засвеченной. Точно так же было засвеченным все, что находится перед глазами, если смотреть напрямую в окно. Видимо, группа находилась в атриуме. Пол состоял из ковровых плит с узором в виде расплывшихся пятен краски с совсем мелкими ворсинками – такой ковер удобен, когда каждый день его приходится пылесосить и чистить. Вокруг было несколько таких же комнат, как та, из которой вышла Хикари, все они располагались в ряд. Группа прошла мимо стойки ресепшена, но сейчас эта стойка пустовала. Единственными служащими за стойкой были маленькие бутылочки воды и ваза с разноцветными конфетками. Группа прошла еще несколько метров вперед, и перед ними открылось что-то, похожее на зону отдыха.

На полу были разбросаны ярких цветов пуфики, в углу стояло «кресло интроверта» – такое, в которое садишься и скрываешься за его бортами от всего мира. Вдоль стены располагался огромных размеров стеллаж. Сначала в этом стеллаже в глаза бросились только кубки, почетные грамоты и прочие награды, и только спустя время разгляделись уз-

кие проходы-лестницы, ведущие на скрытый от посторонних глаз второй этаж, где можно тоже уютно отдыхать в мягко устланных «гнездышках». Группа повернула налево в эту самую зону отдыха. Впереди они увидели пространство, напоминающее кинотеатр, в котором перед большим белым полотном для проектора были установлены в ряды друг за другом стулья. Эта зона так и называлась – кинотеатр. Группа шла за Они как раз в его сторону. Когда все подошли к проектору, Они предложил участникам занять места на стульях. Группа расселась, Они встал перед ними рядом с полотном, держа в руке пульт. Он нажал на кнопку, и штора, которую до этого никто не заметил, поехала по дугообразной колее. Через минуту штора образовала по краям кинотеатра полукруг, притемнив пространство и закрыв его от взора посторонних. Они, стоя спиной к полотну, нажал на другую кнопку на пульте, и включился проектор. Несколько секунд прогревшись, проектор отобразил картинку, и на экране показался слайд.

На лице группы нарисовалось жуткое смущение, кто-то закрыл глаза и отвернулся, а кто-то и вовсе выдавил из себя протяжное «фу». Они обернулся на экран, не понимая реакцию публики и не веря своим глазам, судорожно бросился подряд нажимать на все кнопки на пульте, громко ворча: «Опять эти шутники!» Проектор погас, Они подошел к компьютеру, сменил флешку, бросив на пол и с хрустом раздавив ту, что только что вытащил из разъема, потом вер-

нулся на свое прежнее место и снова включил проектор. На этот раз отрисовался слайд с надписью «Добро пожаловать в Memog.ai!»

– Всем еще раз привет! – начал Они. – Меня зовут Они. Я SEO компании Memog.ai. Вам может показаться странным: почему это SEO проводит онбординг, а не менеджер по адаптации? Все потому, что наша компания – это большая семья. И когда появляется кто-то новый, для меня это целое событие, поэтому я сам с радостью каждый раз провожу это мероприятие, лично знакомясь с каждым. Конечно, вы пока стажеры, но я больше чем уверен, что все из вас успешно пройдут стажировку и станут полноценными и преуспевающими сотрудниками моей компании. Вижу по вашим лицам, что у вас скопилось несколько первоначальных вопросов. Давайте-ка пройдемся по ним. – В зале сразу поднялось несколько рук. – Не переживайте, ответим на все вопросы. – Они поглядел на всех, поднявших руки, будто выискивая первым делом того, кто хочет спросить нечто адекватное. – Вот вы, молодой человек, спрашивайте первым. Кстати, начните с небольшого представления.

Парнишка, на которого показал Они, встал и начал говорить:

– Так... Эммм... Всем привет, меня зовут... Эмм... – И повисла долгая пауза. Кажется, парнишка не помнил, как его зовут.

– Ха-ха, вот я и подловил вас! – выговорил Они. – Вы ни-

чего не помните о себе, ведь так? – На лице каждого участника данного мероприятия нарисовался страх. Действительно, никто не мог вспомнить ничего о себе. – Не переживайте, так и задумано. Ладно, давайте пропустим часть с представлением, просто задавайте вопросы, а по мере общения все с вами выясним. Молодой человек, продолжайте.

– Так... Ну... Эммм... Тогда мой первый вопрос про то... где мы?

– Отличный вопрос! – с радостью сказал Они, будто и ожидал этого вопроса первым делом. – Как я уже вам говорил, мы в Метог.аі, в главном офисе компании. У нас есть еще несколько офисов, но там в основном базируются сотрудники поддержки. Еще есть несколько дата-центров, но они расположены далеко отсюда.

– Хорошо... Метог.аі, это понятно... А чем занимается Метог.аі?.. – с осторожным интересом спросил молодой человек. Все в кинотеатре превратилось в слух, потому что каждый был озабочен тем, куда он вообще устроился на стажировку.

– Это абсолютно справедливый вопрос! Давайте это узнаем. – Они переключил слайд. На следующей картинке группа увидела огромное здание. Было понятно, что это офис компании, в котором они сейчас находятся. На фотографии вид снаружи. Над парадным входом красовалась надпись «Метог.аі» огромными красными буквами, напечатанная приятным мягким шрифтом. Раньше такой шрифт ни-

кто не видел – видимо, это индивидуальный стиль компании, наверняка, созданный каким-нибудь дорогим дизайнерским бюро в целях привлечения внимания к тонкой айдентике. Разглядывая фотографию, всем сразу показалось удивительным, что вокруг здания ничего нет: просто белый фон. Здание будто висит в полной пустоте. Наверное, таким образом СЕО хотел подчеркнуть незначительность всех остальных небольших построек вокруг его офиса. Действительно, что может быть важнее своего детища?

Дав группе некоторое время, чтобы каждый в деталях разглядел картинку, Они явно с чувством самодовольства продолжил:

– Это офис моей компании! Внутри этих стен протекают такие процессы, в результате которых, не побоюсь сказать, *решается человеческая судьба!* – Люди переглянулись, думая, что Они в порыве самодовольства преувеличил значимость своей компании. – Звучит громко, подумали вы? Давайте постепенно. Информация будет открываться вам по мере погружения в ваши рабочие обязанности. Чем же все-таки занимается компания Метог.аі, говоря в общих чертах? – Они нажал на кнопку переключения слайда, и в этот момент с fade-in’ом поверх фотографии всплыла надпись с названием компании, и запустилась анимация: из надписи «Метог.аі» символ «.» проваливался вниз и растворился, в получившемся «Метог аі» две последние буквы «і» и «а» поменялись местами круговым движением по часовой стрел-

ке и примкнули к первой части слова, образовав «Memoгiа». Они повернулся к публике и с небольшой гордостью проговорил: – В переводе с испанского – «Воспоминания»! Вместо английского «Memoгу» решили использовать его, чтобы создать небольшой шарм близости к истокам и утонченность, хе-хе, ну а трюк с заменой окончания на «ai» – умная кликбейтовая выдумка наших маркетологов для соответствия духу времени в эпоху ИИ. – Дав несколько секунд на осознание формулировки, Они торжественно отрезал: – Наша компания занимается воспоминаниями! – У всей группы создалось ощущение, будто эти слова эхом разлетелись по всему огромному залу, но на самом деле просто пронизательность. Они заставила додумать это уже каждого у себя в голове.

– Воспоминаниями?.. Что это значит? – робко спросил парнишка, который все это время так и стоял перед своим стулом.

– В зону ответственности нашей компании попадают все операции с воспоминаниями: создание, хранение, редактирование, удаление. – Большого понимания эти слова явно никому не прибавили, что читалось по лицам участников. – Давайте расскажу более конкретно, чтобы стало понятнее. Вопрос к знатокам: где хранятся человеческие воспоминания?

Все это мероприятие каждому участнику казалось до ужаса странным, поэтому на любые призывы к взаимодействию каждый шел неохотно. Кроме Хикари – она подняла руку и

в самом начале, и сейчас, когда Они спросил про хранение воспоминаний.

– Да, девушка, говорите! – с радостью сказал Они.

– Воспоминания человека хранятся у него в голове, – наивно сказала Хикари, не видя никакого подвоха в этом вопросе.

– Так, хорошо, в голове человека. Тогда у меня есть встречный вопрос. Представь себе ситуацию: ты пользуешься компьютером и скачиваешь себе, например, фильм или пару песен, чтобы посмотреть их в скором времени. Однако есть нюанс: дядя Вася – компьютерщик по объявлению из подъезда, которого нашла твоя мама, – криво собрал твой комп, и теперь у тебя неправильная архитектура твоей ЭВМ – в ней есть все, но отсутствует хард-драйв. Что это означает? Твой компьютер может так работать?

– На дефолтной конфигурации – нет, но на костылях можно заставить его работать. Просто все данные будут храниться в оперативной памяти.

– Отлично! А теперь представь, что ты скачала свои файлы. Нет... погоди... даже не скачала, а создала. Да, создала! Представь, что ты просидела неделю, не вылезая из своей комнаты, в FL-Studio и создала хит наподобие Billie Eilish – Ocean Eyes. Свое произведение и все наработки ты сохранила в оперативной памяти компьютера. Чем это черевато?

– Если кто-то выключит компьютер или внезапно пропадет электричество, все данные потеряются.

– Абсолютно верно, девочка моя! Все данные просто возьмут и сотрутся, потому что оперативная память устроена так, что заряды в ней хранятся только тогда, когда она подключена к источнику постоянного питания. Ты хотела бы, чтобы твой хит просто взял и пропал безвозвратно, не оставив и следа? Ты бы хотела, чтобы эта неделя, которую ты провела на творческом подъеме, канула в Лету?

– Было бы очень обидно.

– Было бы очень обидно, – повторил Они и выдержал небольшую паузу. – А ты знаешь, девочка моя, что у человека есть тоже свойство просто в какой-то момент взять и отключиться? В счастливых случаях человек отключается на время, после чего сможет проработать еще сколько-то – обычно недолго. В большинстве же случаев человек отключается раз и навсегда, безвозвратно. Скажи, пожалуйста, было бы обидно, если бы все, что человек так усердно создавал, запоминал, копил у себя в голове в течение всей жизни или определенных ее периодов просто взяло и в один момент испарилось? – Лицо Хикари сильно изменилось, кажется, до нее стало что-то доходить. Они это понял и прочитал по ее глазам: – Да, ты все верно поняла: мы предоставляем тот самый хард-драйв для такого хрупкого и мимолетного существа, как человек. Все, что лежит в самой голове – заэкшированная информация. Ты знаешь, в чем преимущество кэша и оперативной памяти?

– В кэше и оперативной памяти хранятся те данные, к ко-

торым мы часто обращаемся. Оперативная память работает значительно быстрее хард-драйва, позволяя производить молниеносные вычисления и прочие операции на скорости в разы выше, чем если бы это происходило через хард-драйв.

– Все верно. Именно поэтому в голове человека хранится заэкшированная повседневная информация, требующая быстрого доступа. Скажи, пожалуйста, у тебя когда-нибудь было такое, что, чтобы вспомнить что-то, о чем ты редко вспоминаешь, тебе приходилось напрячь голову и потратить определенное время на вспоминание?

– Да, конечно.

– Отлично, значит, ты уже делала запрос за данными на сервер Метог.аі – в твой хард-драйв. Спасибо за твои ответы, присаживайся.

Они снова переключил слайд. На следующем был изображен стеллаж. Настолько длинный, что он уходил за горизонт. Фотография была в невероятно большом разрешении, где-то 16к. Уходящие вдаль на сотни, а может быть и тысячи километров ряды были напичканы одинаковыми прямоугольными блоками. Каждый блок был похож на кристалл, выточенный в идеально гладкую форму, чтобы вписаться в слот этого безграничного стеллажа. Внутри каждый блок играл разнообразием цветов, постоянно менял свой оттенок. Некоторые блоки даже на какое-то время становились полностью черными. Оказалось, что это была Live-фотография, на которой можно было разглядеть переменчивое состояние бло-

ков. Та часть стеллажа, которая располагалась ближе к горизонту, еще не была заполнена: вероятно, стеллаж строили с запасом на будущее. Они продолжил:

– У меня есть следующий вопрос к кому-нибудь из публики: в чем заключаются особенности централизованного и децентрализованного подхода к хранению информации? – В зале один из участников поднял руку. – Да?

– У каждого подхода есть свои преимущества и недостатки.

– И какие же они?

– Когда мы храним информацию децентрализованно, у нас много точек, каждая из которых хранит в себе состояние всей системы. Эти точки периодически между собой синхронизируются, чтобы прийти к какому-то общему состоянию. Но до синхронизации они могут содержать в себе разные данные.

– Так. А централизованно?

– Просто вся информация хранится в одном месте. Состояние всегда правильное. Иногда можно делать реплики – бэкапы, чтобы в случае возникновения проблем можно было откатиться к какому-нибудь предыдущему состоянию.

– Хорошо. В чем минусы каждого подхода?

– Если система большая, то хранить ее децентрализованно дорого – каждый хост должен будет обладать полной копией всей системы. Однако, если хранить все централизованно, есть риск утери или повреждения данных при взломе: нару-

читель может отредактировать единственное место, где все хранится.

– Все верно! Основываясь на своем личном опыте, как ты думаешь, какой подход используется в Memog.ai?

– Централизованный.

– Правильно. Почему?

– Думаю, потому, что у каждого человека нет доступа к воспоминаниям других. Каждый имеет доступ к своему сектору этой большой системы.

– Умничка, мальчик мой! Все сказал правильно, это действительно так, – удовлетворенно произнес Они. – Можете себе представить, какой мог бы начаться хаос, если бы все воспоминания человека хранились децентрализованно? У нас бы напрочь пропала возможность внести какие-то изменения. Подправь мы что-то в воспоминаниях одного узла системы, так началась бы паника. Один видит одно, другой видит другое, и главное, что оба правы – просто они не синхронизированы. Используя централизованный подход, мы точно знаем, что все головы смотрят на одни и те же данные, отчего можно без каких-либо страхов вносить изменения. Давайте теперь рассмотрим проблему неверной позиции человека при восприятии собственной жизни и жизнью других людей.

Они нажал на кнопку, и на экране показался следующий слайд – на нем был изображен силуэт одного человека, группа таких же силуэтов и «vs.» между ними. На слайде был заголовок: «Me Against the World».

– Проблема. . . нет, даже не проблема, – чума! – всего человечества в любое время истории – это индивидуализм: принцип «я против всех». Человек, оказавшись в этом «жестоким» мире, начинает хищническую борьбу за свое место под солнцем. «Каждый хочет от кусочка отломать побольше», как читает Витя АК-47. Если вдуматься и детально проанализировать, индивидуализм – это самый большой стопор в поиске ответов на глобальные вопросы. Конкуренция, плагиаты, повторы, кража интеллектуальной собственности, вытеснение, борьба и даже убийства – все это присуще глупцам, не понимающим, насколько это неправильно. Давайте подробнее обсудим вопрос индивидуализма. Кто из вас может мне рассказать примеры, от которых у вас бомбит? – Никто в зале не поднял руку. – Ну же, смелее! Что, совсем ни у кого не бомбит от этого? А вот у меня очень даже бомбит. Потому что из-за этой проблемы на мои сервера ложится десятикратная, стократная, а иногда и тысячекратная нагрузка. Вы не представляете, какой поток данных приходится пропускать через нашу инфраструктуру, когда в мыслях 8 миллиардов людей прогоняется мысль: «Вот бы баблишка заработать столько, чтобы никогда больше не работать». – Все в зале немного непонимающе глядели на Они. – Ладно, давайте я расскажу вам на примере. Представьте себе 3 сорта IT-компаний: первосортные, второсортные и третьесортные. Возьмем первосортные айти-компании из американской группы FAANG – Facebook (нынче Meta), Amazon, Apple, Netflix,

Google. Теперь представим: в голову какому-нибудь умному инженеру из одной из этих компаний приходит гениальная идея – создать своего голосового помощника. Вау, революция, будем управлять девайсами голосом. Отлично. Скажем, эта идея первой пришла в голову в компании Эпл, и они выделили 5 миллиардов долларов на разработку Сири. Вот в тайне они разработали этого голосового помощника, успешно провели альфу, покатали релиз в открытый бета-тест. Инженеры из других компаний группы ФААНГ увидели это гениальное изобретение, у них отвисла челюсть, и тогда они сказали: «Хочу так же! Хочу, хочу, хочуууууу». И тогда в Амазоне выделили 8 миллиардов долларов на разработку Алексы, в Гугле – 12 миллиардов долларов на разработку гугл-ассистента и так далее. Что мы имеем: каждый начал свой путь с нуля, разрабатывая абсолютно такую же технологию, какая уже есть у конкурента. Кто-то разрабатывает чуточку лучше, кто-то – хуже. В итоге 25 миллиардов долларов и десятки тысяч человеко-часов ушли на то, чтобы параллельно выполнять одну и ту же работу. Когда у перво-сортных айти-компаний в руках оказалась эта технология, где-то с задержкой в 10 лет настает черед второсортного Яндекса: он берет и копирует уже раскатанные и проверенные технологии у запада. Конечно, берет он только то, что уже проверено, чтобы случайно не потратить лишних денег на то, что вряд ли «взлетит». Тогда Яндекс создает Алису, потратив еще 5 миллиардов рублей. Все? Нет, не все, у нас на

очереди есть еще несколько второсортных и третьесортных компаний, которые тоже хотят кусочек. Тогда в игру вступает Мейл с Марусей, Сбер с Салютом и Тинькофф с Олегом. Каждая из этих компаний тратит еще, условно, по 5 миллиардов рублей и пару десятков тысяч человеко-часов на разработку. А теперь давайте подведем итоги. Если у вас хорошо с математикой, и вы меня внимательно слушали, сколько у нас есть голосовых помощников, делающих ровно одно и то же?

– Семь.

– Правильно. В своей речи я перечислил семь голосовых помощников. А знаете, сколько их на практике? Намного больше, чем семь. И затраченное время точно выходит за рамки сотен тысяч человеко-часов. И все это ради чего? Знаете, я однажды за обедом разговаривал с коллегами, мы с ними обсуждали пользу голосовых помощников. Ну так вот, я у них спрашиваю: «В каком сценарии вам удобнее пользоваться голосом, чем стандартным UI?», мне отвечают: «Ну, когда руки заняты – за рулем, например». И тогда, после их слов, я осознал, что на самом-то деле у среднего человека чаще занят рот, чем руки! Ха-ха-ха-ха-ха! – Они залился смехом. Все в зале на него озадаченно смотрели. – Хух, умора! Так, ладно, кто может предложить альтернативу всему этому безобразию с параллельной разработкой одного и того же?

– Коллективизм? – предложил один из участников.

– Да! Правильно: коллективизм. В конкретно нашей ситу-

ации можно было за 25 миллиардов долларов собрать независимую группу лучших ученых и инженеров планеты, создать одного голосового помощника с открытым исходным кодом и таким API и SDK, чтобы удовлетворить нужды любого беса, которому в его продукте потребуется такая замечательная фишка, как управление голосом. И поверьте мне, этот один голосовой помощник работал бы в сотни раз лучше, чем вот эти тысячу раз скопированные друг у друга голосовые недоноски. – В словах Они явно был смысл. Многие люди в группе слегка кивали, подняв одну бровь с выражением лица «not bad». – И это лишь один из примеров, пришедших мне сразу в голову, – поставил точку в своем размышлении Они. – А теперь скажите мне: тот, кто спроектировал человека, предполагал, что будет происходить такое? Вряд ли!

– А кто спроектировал человека? – с надеждой на ответ поинтересовался кто-то из зала.

– Ууу, это вам еще пока рано знать. Может быть, однажды вы узнаете, но пока пропустим этот момент. – Было видно, что все в зале разочаровались. – Не важно, кто его спроектировал, важно вот что: все вышло из-под контроля. – Кто-то в зале поднял руку. – Да? У вас вопрос?

– Да. Вы говорите, что тот, кто нас спроектировал, предполагал, что будет иначе. Что вы имеете в виду?

– Коллективный разум.

– Коллективный разум?

– Конечно. Значимость человека не в его индивидуальности, а в том, что этот один человек может сделать для коллективного сознания. Вот как ты думаешь, если бы изначальная задумка была в значимости индивидуума, он был бы смертен?

– Наверное, нет.

– Верно. А если человек смертен, это означает, что он – расходный материал. Расходный материал, безусловно, тоже важен. Например, в скейтборде каждая часть – это расходный материал: то дека треснет, то подшипники лопнут, то колеса сотрутся, то подвески сломаются, то шкурка загрязнится, то болты сорвутся. Однако это нисколько не приумаляет красоты всей картинке в целом: когда кто-то ставит бэксайд флип с 5-и ступеней, это в любом случае вызывает восторг, знаком ты со скейтовыми трюками или нет. В какой-то момент расходная часть просто заменяется, и на скейте можно кататься дальше. Расходная часть должна осознавать свою значимость, потому что в определенный момент времени она участвует во всей системе, добавляя ей те свойства, которые позволяют всей системе быть тем, чем она подразумевалась быть. Однако эта расходная часть не должна придавать себе большего значения, чем есть на самом деле. На одних подшипниках или на деке без траков не получится поставить бэксайд флип – вообще ничего не получится. Поэтому задача любого расходного материала – в нужный момент выполнить те функции, которые от него ожидаются, и уйти на по-

кой, дав дорогу новому и свежему. Собственно, поэтому не нужно думать, что смысл в жизни в том, чтобы свою гнусную задницу устроить поудобнее. Смысл далеко не в этом. Ладно, пойдемте дальше. У кого-нибудь появились еще вопросы? Слушаю.

– У меня остался вопрос не по теме, – проговорила Хикари. – Вот в самом начале вы попросили представиться и рассказать немного о себе того молодого человека, но он не смог. Сначала я подумала: «Вот болван, не помнит ничего о себе», а потом испугалась от мысли, что тоже о себе ничего не помню. Что с нами происходит? У всех то же самое? – В зале все стали кивать, а потом с надеждой на объяснение уставились на Они.

– Справедливый вопрос, вы в праве знать. – Они нажал на пульт, и на экране появился новый слайд. Перед зрителями на весь экран показали огромные ворота. Ворота представляли собой храм, разделенный на две равных части вертикальным сечением. Две части храма раздвинуты на небольшое расстояние друг от друга, образуя пространство для прохода между ними. Ворота выглядели, как торт, который разрезали пополам, отодвинув части друг от друга. Все стали детально разглядывать обе части этих ворот: они были каменными, пепельного цвета, с невероятно аккуратно вырезанными сюжетами – было видно, что тот, кто занимался резьбой по камню, – профессионал с не одним десятилетием стажа; также на воротах было множество факелов, ко-

которые пылали необычным зеленым огнем. Сюжеты правой части ворот были связаны с рождением, левой – со смертью. На правой части можно было разглядеть фигурки различных животных и людей в процессе родов – особенный интерес вызывала та часть, где был изображен момент из фильма «Эйс Вентура», когда Вентуру рожал механический носорог, – также среди прочего красовалось несколько птенцов, сидящих в саже – видимо, это только что восставшие из пепла Фениксы. На левой части было много черепов и скелетов, сюжеты с могилами и надгробиями, больших размеров фигура догорающего Феникса. Вдоль и поперек рассмотрев все детали этих небывалой красоты ворот, взгляды людей зацепились за то, что находилось между двумя частями: два человека были в процессе прохода, держась за руки – видимо, это была пара. Девушка уже почти целиком прошла вперед – от нее во внешнем мире осталась только рука, соединяющая ее со спутником. Двух людей разделяла еле заметная пелена, за которой все впереди было расплывчатым. Над воротами, будто в воздухе, висела надпись: «Забудь про все, всяк сюда входящий». – Перед вами «Врата Забвения», – торжественно сказал Они и выдержал эпичную паузу. – Вы все через них прошли. Причем, попав сюда, прошли уже как минимум больше одного раза, неоднократно.

– Ого... Мы через них прошли? Я такого не помню... И что это за врата?..

– Ну, как можно понять из названия, это врата, прохо-

дя через которые, мы все забываем. Забываем, кем были, как сюда попали, зачем мы тут, что умеем и знаем. Как бы ворота обнуления. «Restart»... нет, даже не рестарт, а скорее «rewind» – пленка отматывается к началу и появляется возможность либо послушать ту же пленку еще раз, либо сменить ее на новую. Эти ворота соединяют немереное количество Вселенных и сценариев, между которыми можно перемещаться и путешествовать с помощью вот этих самых ворот.

– А почему мы прошли через эти ворота уже неоднократно?

– Потому что то место, где мы сейчас находимся – как бы аппендикс от той Вселенной, откуда вы пришли. Чтобы попасть сюда, вы прошли через Врата Забвения. Попав сюда, вы заново родились. Конечно, не целиком, а частично. Для выполнения работы в компании все же нужно, чтобы вы обладали определенными качествами, сохранившимися из предыдущей жизни, поэтому Врата Забвения, ведущие сюда, все же слегка подхвачены. А в первый – точнее, условно первый – раз вы родились в той Вселенной, откуда пришли сюда. Велика вероятность, что это рождение далеко не первое. Может быть, десятое, а может быть, миллиард первое. Существо, заканчивающему свой путь в одном мире, Врата предоставляют возможность пройти путь еще раз на той же карте, либо отправиться на совершенно новую и немислимую. К сожалению, миры устроены так, что, находясь в одном, ни-

чего нельзя узнать о другом. Это как если играть в «Need for Speed», гоняясь на машинках, потом выйти в главное меню и переключиться в «Mortal Combat», начав кровавое месиво. Тот, кому постоянно разбивают лицо, ломают ребра и втыкают нож в анус, не может вообразить, что где-то существует возможность спокойно сидеть за рулем Феррари в кожаном салоне с кондиционером и угонять от копов под гэнгста-рэп по просторным, почти свободным улицам города. Вот так и в жизни происходит: нас тут месит, а мы не можем ничего с этим сделать. Остается только надеяться, что при перемотке в следующий раз нам повезет больше, и мы все же запустим «жажду скорости», а не этот кровавый пиздец.

– Весьма увлекательно. А почему когда мы только вышли из комнаты, вы сказали, что «карантин окончен»? Что за карантин?

– Карантин воспоминаний. В комнате каждый из вас провел разное количество времени в зависимости от того, насколько глубоко вы верили в терминальность истины и реальность своего мира. Это как в анекдоте! Как-то Бог спрашивает у Дьявола: «Знаешь, почему жизнь похожа на индийский поезд?», «Почему?», – спрашивает Дьявол, «Потому что все пытаются за нее уцепиться». – В зале никто не посмеялся, все только странно посмотрели на Они. – Так вот индийский поезд отлично символизирует эту жизнь: все цепляются за нее со всех сторон, залезают на крышу, набиваются битком внутрь. Кого-то раздавливает внутри, кто-то слу-

чайно касается проводов, превращаясь в уголек мгновенно, кто-то с горем пополам добирается до своей вонючей работы, весь день думая, что завтра предстоит проделать такой же путь. Чем дольше человек живет, веря в реальность всего происходящего, тем дольше для него карантин. Например, древние греки и буддисты сразу заподозрили тут что-то неладное, поэтому для них при переходе в другой мир карантин почти не было. Напротив, тот же самый индус, свисая с поезда, вряд ли может предположить, что вот эта его реальность – далеко не первая и не последняя, поэтому, чтобы ему очиститься, придется подольше посидеть на карантине.

– Понятно. Ну а в чем тогда смысл всей этой заварушки с воспоминаниями? Зачем компании все это собирать, хранить централизованно, накапливать, если это лишь один из возможных миров, особо не имеющих значения, насколько я поняла? – совершенно взвешенно спросила Хикари.

– Если игра за игрой меняются, то это не отменяет факта существования операционной системы, из которой, собственно, эти игры запускаются.

– Операционной системы?

– Да. Так по аналогии проще понять, что есть внешняя, совершенно нас не касающаяся система. Тот, кто запускает нас извне, рассчитывает получить из этого эмоции и ощущения. Именно поэтому и существует Memog.ai: мы этот опыт очищаем, сортируем и расфасовываем так, чтобы того, кто этот опыт примет, вставило по самое не балуйся. Абсолютно

чистый небодяженный кайф.

– И кто заказчик?

– Заказчик внешний, о нем ничего не известно, кроме его ненасытного желания.

– А что будет, если кто-то из нас не пройдет стажировку?

– Я даю возможность остаться каждому желающему. Однако насильно никого держать не могу. Кому не понравится, сможет просто пройти через Врата Забвения, выбрав для себя новый уровень.

– А по оплате у нас что? – Хикари поняла стиль общения. Они, поэтому стала более прямолинейной и слегка наглой.

– Доступ к бесконечному познанию.

– Бесконечному познанию?

– Ну не совсем бесконечному, а к той доли познания, которую удалось накопить за все время существования этой Вселенной.

– Похоже на серию «Аватара», где историк решил остаться в древней библиотеке со всеми книгами мира, безвозвратно уходящей в недра земли, лишь бы всю жизнь провести в стремлении к бесконечному познанию.

– Считай, что ты тот самый историк из этой серии Аватара. Ну и приятным бонусом у вас появляется возможность влиять на судьбу этого мира. Хотя это больше относится к тем, кто будет работать в отделе режиссуры воспоминаний. Ну и конечно же, бесплатные снеки и безлимитный кофе на кухнях на каждом этаже.

– Звучит заманчиво.

– Так и есть, девочка моя, так и есть... Ну что ж, друзья, – обратился Они ко всем, – наш онбординг подходит к концу. У кого-нибудь остались вопросы? – Все в группе только помотали головами. – Что ж, тогда у меня к вам последний вопрос, прежде чем мы отправимся знакомиться с вашими тимлидами. Какое чувство самое сильное в жизни?

– Любовь? – сентиментально спросила одна стажерка.

– Так, девочка моя, думают только сопляки. Любовь, безусловно, сильна, но не самая сильная. Подумайте получше. Это что-то такое, что заставляет вас много думать о прошлом, когда любовь уже давно прошла. «Как в старые добрые».

– Ностальгия?

2.

– Ностальгия, бро. Я говорю именно о ней. Это то, чем больше чем наполовину наполнены песни Эма, начиная с девяtyх годов, – поведал я в только что начавшемся телефонном разговоре. – Недавно я переслушивал альбом за альбомом, вслушиваясь в текста, и даже по колебаниям в его голосе, начиная примерно с «Relapse», это заметил. Сожаления о прошлом, сравнения с прошлым. Воспоминания. «Когда я был бедным белым парнем, работающим на заводе». «Когда Пруф был жив». «Все-таки мы с Ким друг друга любили, зря мы расстались». «Вот бы снова стать неизвестным и пройтись по улицам города простым горожанином». И все в этом ключе. Он просто читает о том, насколько хорошо было в прошлом. И знаешь, на какие мысли меня это натолкнуло?

– Ну? – поинтересовался Энтони.

– Думаю, что у каждого человека в жизни есть два периода. Период созидания и слез. В период созидания человек строит и генерирует себе всякого рода впечатления и воспоминания, по которым потом можно будет ностальгировать – в период слез.

– Хм.

– Это видно не только по Эму. Это видно практически по любому творчеству, по любой человеческой жизни. Ощущение, что у любого человека или создателя есть свой потен-

циал, который, к сожалению, очень даже исчерпаем. Например, когда ты на созидании, ты снимаешь «Гарри Поттера» – когда ты в слезах, ты снимаешь «Фантастических Тварей». Вроде тот же Гарри Поттер, да? А на самом деле даже рядом не стоял. Вот как так получается?

– Ну да.

– Это, кстати, очень даже относится к обычным человеческим жизням. Вот есть просто ощущение, что мы проживаем какие-то этапы жизни, в которые происходит много всего, а потом в другие этапы, когда ничего не происходит, сидим и плачем по тем временам, когда все было круто. Однако, это не все. Знаешь, что еще я заметил?

– М?

– Что на самом деле нет таких этапов, когда ничего не происходит. Точнее, наоборот, все этапы жизни – это именно те, когда ничего не происходит.

– Че?

– Блин... Как бы тебе объяснить... Короче, в любой этап жизни человек рыдает по прошлому. А потом, когда проходит время, в которое ты рыдал по прошлому, но все равно чем-то занимался параллельно этому рыданию, ты начинаешь снова рыдать по прошлому, в котором, как казалось в настоящем, ничего не происходило, а на самом деле, параллельно тому, как ты рыдал по прошлому, происходило много всего в настоящем, отчего ты рыдаешь сейчас.

– У тебя крыша поехала?

– Да нет, я серьезно говорю: ностальгия есть всегда. Если сегодня ты сидишь в ностальгии по вчера, то завтра ты будешь сидеть в ностальгии по сегодня.

– Но ты сказал, что в творчестве есть периоды подъема и спада, а в жизни, как будто, сплошной спад – или сплошной подъем?

– Хотя да, ты прав: все-таки в творчестве и в жизни это по-разному. В творчестве реально есть периоды, когда создатель воплощает в жизнь нечто абсолютно удивительное, уникальное и историческое. Это происходит настолько редко, что автоматически таким произведением искусства ставится крест на всем будущем творчестве: достичь подобной планки в будущем будет уже либо невозможно, либо невероятно сложно. На примере: можно написать «Can't Stop», а потом наивно играть тот же рифф в «Dark Necessities». Хотя все же даже в творчестве есть выход. Блин, а выход, кстати, тот же, что и в жизни! Просто переключиться на нечто новое. Создать что-то такое, что будет категорически отличаться от того, чем ты занимался до этого.

– Ну да, просто в настоящем заниматься не ностальгированием фуллтайм, а созданием новых поводов для ностальгии.

– Именно! Вот Linkin Park, например, в «Meteora» попробовал поностальгировать по «Hybrid Theory», сразу же понял, что это так себе заворушка, и что мы видим дальше? А дальше мы видим то, что ни один альбом не похож на преды-

душций. Только истинный гений мог прийти от ню-метала к легкой поп-музыке через электронику, хардкор-панк и альтернативу.

– Эх... Говоришь про Линков, и у меня снова ностальгия наползает. Помнишь то лето 2017 года? Мы тем летом постоянно ходили играть в футбол на Панфик, и в середине лета произошла эта херня с Честером.

– Конечно, помню, бро. Еще помню, как тем вечером, 20 июля, мы с тобой встретились у калитки моего дома. Помню, как ты сообщил мне эту новость. Я сначала подумал, что это приколы, а потом оказалось, что все по-настоящему. Помню, как я почти лежал на земле в слезах, а ты меня успокаивал. А потом через два дня я сделал татуировку с лого Линков. Не верится, что уже почти 4 года прошло с тех пор, – со вздохом проговорил я.

– Да уж, – с таким же вздохом согласился Тони.

– В общем, в жизни все-таки все немного по-другому, чем в творчестве. Вся жизнь проходит в слезах в моменты, но с улыбкой в ретроспективе. Мы постоянно вспоминаем школьные времена. Я постоянно вспоминаю заграничные поездки с родителями. Постоянно вспоминаю, каким наивным и незащищенным был, когда устроился работать в Мейл. Все эти времена сейчас кажутся такими чистыми и незамо- роченными. Но все это вранье, если вдуматься.

– Почему?

– Потому что наш мозг – это подлая машина для выде-

ления ностальгии. Он постоянно стирает воспоминания обо всем плохом, оставляя в памяти только лучшее. Он даже не пытается запомнить, как в каждый божий момент времени прошлого меня пожирала изнутри сожаления, неисполненные мечты, желание сделать так, чтобы все стало лучше, переживания за будущее и все в этом роде. Он просто запоминает, как я тогда обалденно играл в пинг-понг и кикер на обеденном перерыве и получал зарплату, а вечером катался на скейте и тусовался с друзьями. Он не запоминает, как я месяц провел в полном офигении от того, что первой задачей на работе мне выдали легаси-проект, в котором надо было отделить нашу логику от движка хромьюма. Он не запоминает, как тогда параллельно я думал о том, как здорово было ходить беззаботно в школу.

– Ну так это же хорошо известный факт. Вроде как у ученых даже есть какое-то этому объяснение, типа что мозгу надо концентрироваться на хорошем, чтобы получать новый опыт, не утонуть в печали. Наглядный пример у меня самого: когда я только переехал в Америку, было жестко. Помнишь, как мы постоянно созванивались, я думал о возвращении. Почему так было? Потому что мозг отказывался воспринимать мое настоящее, в котором я одинок, незащищен, в почти неизведанном месте с непонятными поначалу законами жизни. Мозгу было проще уцепиться за то, как, например, я играл в футбол с пацанами на Щуке. И знаешь, в чем самый сюр? Сейчас я вспоминаю те времена, когда я только пе-

реехал в Америку, с ностальгией. С долбанной ностальгией. Сейчас мне видится, что тогдашнее время было окрашено какими-то необычными цветами и запахами, непривычными для жителя России. Передо мной открылось очень много всего нового, в чем надо было разобраться. Да даже, блин, то, что я работал курьером по ночам, чтобы заработать денег на жизнь, мне сейчас кажется романтическим и очень милым. Хотя тогда в моменте мне было нихрена не весело, когда я днем учился в колледже, а по ночам работал. Сейчас первым делом в памяти всплывают только огни ночного Лос-Анджелеса и дорога. Мда... – поставил точку Энтони.

– Да, бро, это просто жесьть! Мы живем в вечной печали, вспоминая печаль прошлого как нечто радостное... И так было и будет всегда...

– Не хочу больше говорить об этом. Просто какая-то злая шутка.

– Да, согласен.

– Так, а что у нас по тату-сеансу завтра, во сколько встречаемся и где?

– Ну вы с Никитосом договорились на 12 часов в «RedRum»?

– Да.

– Давай тогда я на таксике подкачу к твоему дому в 11:40, нам там ехать 15 минут.

– Окей. Тогда до завтра, на связи.

– На связи.

Я проснулся в 9 часов. В окно моей комнаты светило яркое московское солнце. Ранней весной подобные дни встречаются еще не так часто, поэтому на моем лице сразу натянулась улыбка. Я умылся и вышел на кухню. Первым делом, как обычно, поставил чашку в мою любимую кофемашину Nespresso, положил капсулу, налил свежего молока и нажал на кнопку приготовления латте. Машина следом за мной проснулась, немного подумала, щелкнула и с привычным ей шумом приступила к приготовлению моего напитка. Молоко из капучинатора через трубочку стало проходить через пар, нагреваясь и становясь полувоздушным. Шотик эспрессо полился следом за молоком. Недавно мама научила меня выжимать из одной кофейной капсулы максимум, поэтому, как только машина закончила процесс приготовления моего любимого ванильного латте, я нажал на соседнюю кнопку для приготовления эспрессо, оставив старую капсулу. Во второй раз струйка кофе уже менее насыщенная, но все равно окрашена в темный цвет, а значит что-то да и выходит из этой капсулы. Когда весь процесс закончился, я насыпал одну ложку сахара и размешал. Первый глоток кофе по утрам с видом из окна с нашего двадцать восьмого этажа на просторы Москвы всегда дарит мне радость. Я поджарил себе яичницу из трех яиц. Съев все с большим удовольствием, я помыл посуду и вернулся к себе в комнату. До выхода из дома оставалось еще время, поэтому я решил немного поваляться

в кровати, залипая в телефоне. Через час нам с Энтони выходить на его первый в жизни тату-сеанс. Я решил повспоминать, каким был первый сеанс у меня.

Когда я начал учиться на первом курсе института, мне было 17 лет. Мы с братом тогда очень сильно фанатели от московских андерграунд групп. Нашими любимыми были Pale Crow, The Barber и Cruel Tie. К сегодняшнему дню первые две, к сожалению, уже почили. А на концерт последней мы с братом как раз ходили две недели назад, они до сих пор дают жару, что является большой редкостью для андерграунд-группы. Тогда на волне восхищения я активно следил за нашими любимыми группами в социальных сетях, к некоторым отдельным участникам этих групп я даже добавился в друзья в ВК. Когда я добавился к Валере, гитаристу группы The Barber, я заметил, что он татуировщик, но на тот момент сам я татуировкой не увлекался, поэтому оставил его работы без внимания. Зимой перед новым годом у меня день рождения. Не помню, как и почему, но перед своим восемнадцатым днем рождения я ни с того ни с сего решил, что хочу себе татуировку. Поняв, что лично знаю только одного татуировщика, я сразу же зашел на страницу к Валере и стал разглядывать его работы. Тогда я не знал, что этот стиль татуировки называется Old School или Traditional. Я просто увидел, что он рисует картинки на человеческих телах, и решил, что буду делать у него.

Перед новым годом я написал Валере со своей совершен-

но тупорылой юношески-максималистичной идеей, на что он мне ответил: «Давай, может быть, что-нибудь простое и со вкусом сделаем?» и скинул свои свободные эскизы. В его словах был смысл, поэтому я сказал, что повыбираю в следующие дни. До нового года и первые несколько дней после у Валеры не было свободных дней, поэтому мы записались с ним на конец новогодних праздников. Все новогодние праздники я проходил с предвкушением того, что иду делать свою первую татуировку. Из готовых эскизов мне не то чтобы что-то сильно нравилось, поэтому от безысходности я решил выбрать скейлера-скелета. Он хоть как-то сочетался с моей любовью к скейтбордингу, хотя я, в отличие от него, еще был жив. Когда я поделился своим выбором тогда с Энтони, он сказал, что это полная дичь: «Чувак, нахрена тебе какой-то долбаный скелет? Первая татуировка должна быть нормальной. Давай вместе подумаем». Энтони тогда помог мне принять судьбоносное решение, размышляя вместе со мной над идеей, которая будет «не дичь». За день до назначенного сеанса, спустя некоторое время размышлений, мы поняли, что моей первой татуировкой должны стать барабанные палочки, что было бы очень символичным, ведь столько всего в моей жизни связано с музыкой, и к тому же где-то в этих же датах рядом с моим первым тату-сеансом у меня вторая годовщина игры на барабанах. Я написал об этой идее Валере, на что он ответил: «Круть! Я как раз хорошо рисую руки. Сделаю кисть, держащую барабанные па-

лочки». Его слова привели меня в восторг.

На мой первый сеанс я поехал со школьным другом Никитой. Все время сеанса он вел фото- и видеорепортаж. Атмосфера тату-салона заставила меня тогда почувствовать себя о-о-очень крутым. Я сидел среди наглухо забитых дядек, они шутили, а я смеялся над их шутками, чувствуя, как становлюсь причастным к тату-культуре. Работу Валера сделал мастерски – и вот уже через три часа на моей ноге красовалась пара барабанных палочек.

Сразу после сеанса, ужиная в кафешке, мне позвонил дружкой мой школьный друг Антон и сказал: «Вот ты пидор! Я думал, я буду первым чуваком из нашего класса с татуировкой, а им оказался ты! Красавчик! Завидую!» Я был на подъеме. Следующие несколько месяцев я не мог оторвать взгляда от моей первой татуировки. Я рассматривал ее постоянно. Было непривычно, что на теле появилась какая-то картинка. Было непривычно осознавать, что она со мной навсегда. Было странно наблюдать за тем, как этом месте снова отрастают волосы, которые сбрили перед сеансом. Было непривычно видеть, как через неделю кожа стала облезать и сбрасывать верхние слои краски. Помню тот запах чернил, который стоял в тату-салоне. Все это мне показалось настолько классным, что я сразу понял: на одной татуировке, которую я планировал изначально, я не остановлюсь. Все так и получилось: следующую татуировку я захотел уже через 5 месяцев – это как раз стал девиз нашей школы. Дальше я сделал

следующую, за ней другую, а потом еще. Сначала татуировки «сос мыслом», потом, когда смыслы кончились, просто красивые картинки. Все эти татуировки я делал у Валеры. Мы с ним успели сдружиться, и каждый раз на очередном сеансе встречали друг друга с приветливой улыбкой со словами «Здарова, старик!»

Зимой 2018 года я захотел себе рукав. До этого я забивал только левую ногу. С рукавом получилось, опять же, судьбоносно. Как-то раз я сидел в офисе и вдруг внезапно осознал: хочу рукав по Гарри-Поттеру. Подходящего тату-мастера у меня тогда не было, а работы в стиле, в котором работает Валера, я хотел оставить только на ноге. Тогда одним зимним днем, сидя в Мейловском интранете, я увидел пост: «Посоветуйте тату-мастера, пожалуйста». Я зашел в комменты посмотреть, кого советуют люди, и тогда в одном из комментариев увидел рекомендацию Темного Мага. Темным Магом был питерский мастер по имени Никита. А Темным Магом он был потому, что в инстаграме у него ник – `blck.wzrd` – Black Wizard Tattoo. Проведя несколько дней в регулярном пересмотре всего портфолио Темного Мага, я без всяких лишних сомнений и раздумий написал ему, что хочу рукав по Гарри Поттеру. Его эта идея вдохновила, поэтому уже перед новым годом мы с ним встретились на первом из десяти тату-сеансов, начав рукав с изображения совы с письмом в клюве на моем плече. Темный Маг оказался талантливым мастером и крайне приятным в общении человеком, поэто-

му и с ним мы быстро сдружились.

Когда Энтони сказал мне, что все же решился на свою первую татуировку, я не поверил. Еще год назад он говорил такой же юношеско-максималистичный бред, как моя первая тату-идея: «Тело – это храм моей души, оно должно остаться чистым до конца», «Господь меня снабдил всем необходимым», бе-бе-бе. Этот бред развеялся, и тогда я понял, что мой мальчик повзрослел. Мы как-то сразу с ним поняли, что его первая татуировка будет сделана у Темного Мага. Осталось определиться с идеей. Для Энтони это было несложным, он точно знал, чего хочет: медведь гризли.

Тони до отъезда в Америку несколько лет активно развивал и продвигал свою собственную любительскую футбольную команду. Он был капитаном, который уверенно наставлял своих игроков, воодушевляя их на новые победы. Команда называлась «Гризли». То ли потому, что капитан был тем самым Калифорнийским Бурым Медведем, то ли просто в честь этого медведя. И вот сейчас Энтони решил увековечить этого медведя на своей коже.

На часах было начало двенадцатого. Я открыл приложение Яндекс.Такси, поставил финальной точкой тату-студию и добавил промежуточной остановку у дома Тони. Нажал на «подтвердить» и увидел сообщение, что машина прибудет через 7 минут. Я быстро надел свои спортивные штаны, футболку и толстовку сверху, зашнуровал кроссовки, вставил наушники и включил Belmont – Reflections, после чего спустился

на лифте вниз и вышел из подъезда. Пройдя по территории дома, я подошел к шлагбауму на проходной и сел в желтую Шкоду Рапид. Через 10 минут мы были у дома Энтони.

В гостях в его новой квартире я еще не был. Всю жизнь Тони жил со своей семьей в съемной квартире рядом с нашей школой на Факультетском Переулке, но, когда он уехал в Америку, надобность в такой большой квартире для одной мамы с сестрой Энтони напрочь отпала, поэтому они переехали жить в соседнюю сталинку к бабушке и дедушке Тони. Когда же Энтони собирался ехать в Москву, он понимал, что ему нужно свое личное пространство и жить с родителями он не будет. Каким-то странным стечением обстоятельств от непонятных знакомых знакомых ему подвернулась заброшенная квартирка на улице 8 Марта за совсем небольшой, можно сказать символический прайс. Перед своим приездом он за свои деньги вызвал клининговую компанию, чтобы эту квартиру к его прибытию привели в пригодный для жизни вид.

Машина остановилась на улице Восьмого Марта рядом с домом Энтони. Через минуту мой друг показался из-за поворота. Походка Тони – это отдельный вид искусства. Он всегда одет по-крутому спортивно, на его ногах красуются здоровенные понтовые кроссовки – Джорданы, Найки или Адидасы. Когда он идет по улице, то почему-то всегда пружинит и немного горбится, как будто его постоянно качает рэп или он ведет баскетбольный мяч. Выглядит он звездно и уверенно.

Иногда немного смешно – но только для меня, потому что я знаю его хорошо. Для посторонних он, безусловно, выглядит респектабельно. Энтони подошел к машине, открыл дверь и сел внутрь.

– Йоооооооу!

– Здаровааааа, чуваааааак!

Мы исполнили наше братское рукопожатие. Водитель спросил нас:

– Едем?

– Да, – ответили мы.

– Ну что, как тебе новая хата? – поинтересовался я у Энтони.

– Ну она не совсем новая, я в ней так-то уже полгода жил до твоего возвращения. А так вполне неплохая! – ответил он и, немного подумав, добавил: – Единственное, одному в ней оставаться иногда немного не по себе. Наверное, слишком большая для одного. Но со мной все равно большую часть времени Машка живет, так что норм.

– Ну крутяк тогда! Интересно посмотреть, как ты там обосновался.

– Обязательно зависнем у меня!

– Как ощущения перед сеансом? Страшно? Мандраж?

– Да если честно, то вообще не особо.

– Не удивительно. Шкуру Калифорнийского Бурого Медведя не так-то просто пробить.

– Лол.

– Ну а хоть приятное предвкушение есть?

– Это-то конечно! Давно хотел, а тут как-то бац и сложилось: и Темный Маг в Москву выбрался из Питера, и деньги есть, и идея уже точно окончательно созрела в голове. А то до этого все думал-думал, сомневался. Хорошенько меня на этих качелях покачало!

– Ну самое главное, что теперь уже наверняка определился. А вообще, знаешь, по-моему, много лучше не думать. Часто у людей есть проблема, что они все время только думают, а пока думают, жизнь проходит мимо. А еще бывает такое, что хочется-хочется, ты все думаешь и откладываешь, а потом уже и не хочется. Лучше делать тогда, когда хочется.

– Да, тоже так считаю. Вот я поразмышлял, все взвесил, но не настолько много, чтобы перехотеть. Поэтому, собственно, мы и едем сейчас в тату-студию, – улыбнувшись, сказал Энтони.

– Это точно, бро. В этом тебе респект. – С минуту мы помолчали, глядя в окно. – Кстати, знаешь, в чем еще я заметил вот этот момент с тем, что сначала хочется, а потом нет? – продолжил я.

– Ну?

– В еде. У меня какая-то глупая привычка в еде есть: я нахожу либо какую-нибудь кафешку, либо вкусное блюдо – и начинаю подряд все дни ходить в одно и то же место, либо заказывать одно и то же блюдо. Например, я могу попробовать сырный тост, он окажется божественным, а потом я

буду есть этот сырный тост следующие два месяца, пока мне от него плохо не станет. – Водитель, краем уха подслушивая наш разговор, изредка бросал на меня взгляд через зеркало заднего вида. – Я сначала думал, что это ненормально – ну типа странно, что попробовал что-то новое и зациклился на нем, отвергая все другое новое. А потом понял, что привык слушать свое тело. Если ему хочется этот долбанный сырный тост, то почему бы и нет? Хорошо же, когда что-то хочется.

– Да уж, чувак, хорошо, когда хочется, – с пониманием добавил Тони. – Я за собой тоже такое заметил, особенно в музыке. К примеру, добавлю себе новый альбом или трек и начинаю заслушивать его до дыр несколько месяцев подряд. А затем бац! – перестаю его слушать совсем. Ну либо изредка возвращаюсь к нему.

– Да-да-да! Все то же самое. Я для себя это объясняю тем, что музыка – это не самостоятельная единица жизни, а, скорее, дополнение к визуалу. То есть определенная музыка – альбом, песня, исполнитель – актуальна до тех пор, пока актуален визуал, к которому эта музыка привязана. Именно поэтому у меня есть сезонное музло, которое я могу слушать только зимой или летом. Если я включаю такой сезонный трек в неподходящее время, в голове начинается разлад, диссонанс.

– Точно. И еще есть не просто сезонная музыка, а эпохальная. Эпоха прошла, и музыка вместе с эпохой осталась в прошлом. Например, музло Снуп Дога для меня ассоции-

руется с седьмым классом школы. Если я сейчас включу его музыку, то она мне ничего не даст, кроме ностальгии. В современных реалиях эта музыка – артефакт прошлого. Звучание этого трека в ушах сравнимо с тем, как если бы перед глазами по улице вдруг внезапно поехала ретро тачка начала двадцатого века.

– Музыка, бро, это самый гнусный источник ностальгии из всех, что существуют в нашем мире. Ничто не вызывает у меня столько ежедневных слез, как картинки прошлого, всплывающие при прослушивании blink-182, Paramore, Nirvana, Linkin Park, Bring Me The Horizon, Eminem, Violent Soho, Thousand Foot Krutch, Pale Crow, Turbowolf, The 1975, +44, Lil Peep, Machine Gun Kelly, Red Hot Chili Peppers, Beach Bunny, FEVER 333, Slipknot, Papa Roach, Ed Sheeran, Oceans Ate Alaska, The Chainsmokers, The Story So Far, Knuckle Puck, As It Is, Rise Against. Этот список можно продолжать бесконечно... Когда я слушаю эту музыку, на душе становится одновременно как-то по-родному, но в то же время так чуждо и печально... Иногда кажется, что при прослушивании этих треков сейчас я окажусь в тех же самых временах, где была актуальна эта музыка, а на деле я остаюсь в той же жопе сегодняшнего дня с мыслями: «Как же было классно тогда». И самое смешное, что вот сейчас я говорю тебе все это, а до встречи с тобой у меня в наушниках играл Belmont – Reflections. И знаешь, в чем я ни на грамм не сомневаюсь?

– В чем?

– В том, что я забуду обо всех своих переживаниях сегодняшнего дня, когда через два месяца буду слушать Belmont – Reflections; перед глазами у меня будет только вот этот замечательный весенний день; перед глазами будет только то, как я под этот альбом еду от дома до офиса на велосипеде, еду на встречу с тобой; перед глазами будет вот это яркое солнце ранней весны и ощущение легкости этого времени. А что, если так и есть на самом деле? Что, если любое время в сущности легкое? Может быть, я сам омрачаю его себе каким-то лишними переживаниями? Может быть, надо просто отпустить все это дерьмо? Меньше заморачиваться по пустякам и просто жить. Жить, зная, что жизнь часто дарит печаль, но со временем на эту печаль можно будет посмотреть с улыбкой. А сегодня попробовать порадоваться тому, что у будущего меня все же будет улыбка на лице. Знаешь, как вклад в будущее. Обычно всякие мудрецы, любители саморазвития, говорят: «Что ты можешь сделать сегодня, чтобы ты завтрашний сказал себе “спасибо”?» Кажется, это именно то, что я сегодняшней могу сделать для себя завтрашнего – просто прожить этот день, вобрать в себя все впечатления, которые он дарит, поставить себе на репит какой-нибудь новый альбом – чтобы я завтрашний с улыбкой вспомнил это время при прослушивании этого альбома и подумал: «Эх, хорошо же было тогда».

– Наконец-то хоть какая-то надежда на хорошее слышится

в твоём голосе. А то ты вечно ноешь.

– Я не виноват, что ты такое бесчувственное бревно, а я романтик.

Остаток дороги до тату-студии мы проехали, болтая о том – о сем. Ближе к двенадцати часам мы подъехали к зданию тату-студии недалеко от станции Марьино Роща, вышли из машины, поблагодарив водителя, и подошли к проходной. Охранник, контролируя ветхий турникетик, сказал нам: «Ребята, масочки надеваем». Мы надели масочки, как он распорядился, прошли через турникет и сразу же их сняли. Здание было большим, в нём располагалось несколько организаций. Соседний вход на первом этаже вел в бар. Однажды в этом баре мы с братом отрывались на презентации нового и последнего альбома группы The Barber – Black Friday. Валера – гитарист этой группы, татуировщик и мой друг – как раз работал в тату-студии в этом здании и, видимо, поэтому для презентации альбома своей группы выбрал именно это место, которое постоянно видит, выходя на перекур. Тату студия находилась на последнем этаже. Сначала мы прошли по длинному коридору вперед до лестницы. По пути мы остановились перед распахнутыми дверями какой-то дизайн-студии. Было интересно немного понаблюдать за тем, что обычно творится за закрытыми дверями, раз выпала такая возможность. Немного постояв, мы отправились дальше, чтобы не смущать людей. По пути было еще несколько конторок: небольшая типография, стретчинг-студия и изготов-

ление ключей. Мы дошли до лестницы и поднялись по ней на последний этаж. Первым делом мы увидели пирсинг-студию, а за ней и вход в «RedRum». В предбанничке мы сняли уличную обувь, надели тапочки и оставили свои толстовки на вешалке, после чего шагнули через порог и оказались в тату-студии.

Помещение было просторным. На стенах не было ни одного живого места: все было завешено эскизами – уже набитыми или свободными, – разрисованными скейтовыми досками, пугающими масками и даже картинами маслом – эти картины были нарисованы одним крайне талантливым мастером по фамилии Машков, который сильно преуспел в творчестве, особенно в татуировке, и переехал в Нью-Йорк. Сейчас он настолько популярен и востребован, что свободные места на сеанс с ним надо занимать за год. Одной из картин маслом является портрет моего тату-мастера Валеры. Валера, наверно, очень гордится этой картиной. Почти каждый квадратный метр помещения был занят тату-мастером с его клиентом: суббота – самый популярный день для татуировки. Некоторые клиенты лежали на специальном столе, другие сидели, оперевшись о подставку. Кому-то набивали татуировку на запястье, кому-то на спине, а кому-то на ноге. В зале стоял гул работающих тату-машинок – родной до боли шум, слыша который, я чувствую себя на своем месте. Несмотря на то, что мне нравится этот шум, все же предпочитаю, чтобы мне делали работы почти бесшумными ротор-

ными машинками – шум индукционных меня одновременно и радует, и жутко пугает – иногда даже кажется, что такая машинка пробивает сильнее. Когда мы вошли, некоторые тату-мастера бросили на нас взгляд. Обведя нас глазами, один из них повернулся к окну и сказал: «Никитос, это, наверное, к тебе». Темный Маг сидел на стуле перед кушеткой, повернувшись лицом к окну. На кушетке стоял его планшет – айпад про, на котором он рисует эскизы. В данный момент он что-то активно листал: возможно, референсы к предстоящей работе. Темный Маг обернулся, увидел нас, встал со стула и направился в нашу сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.